

ВОРОН И КЛЮЧ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

надя фимиам

18+

Надя Фимиам

Ворон и ключ

«Автор»

2026

Фимиам Н.

Ворон и ключ / Н. Фимиам — «Автор», 2026

Когда-то Десятина была древним договором между людьми и фейри. Теперь она превратилась в смертный приговор. После предательства местных старейшин молодая механик Рэйвен вместе со своим возлюбленным оказывается в Неблагодворе — мире, где людей используют как рабов, а надежда на спасение становится частью жестокой игры. Чтобы выжить, ей придется пройти через испытания, пережить потерю, столкнуться с древним заговором и выяснить, почему могущественные силы по обе стороны границы так отчаянно в ней заинтересованы.

© Фимиам Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	34
Глава 6	42

Надя Фимиам

Ворон и ключ

Пролог

Шел снег.

Стихия бесновалась уже несколько дней подряд. Метель словно растворяла мир вокруг, стирая его очертания настолько, что ничего нельзя было разглядеть уже на расстоянии вытянутой руки.

Человек шел медленно, сильно сгорбившись, прижимая к груди ветхую, потертую сумку из темной потрескавшейся кожи. Его тулуп сильно прохудился, был порван в нескольких местах, но это было все же лучше, чем совсем ничего. Он шел уже второй день, усталость и бесконечный голод грозились сбить его с ног. Мороз сковывал лицо, впиваясь в кожу сотней острых игл.

Голые деревья мрачными силуэтами склонились над дорогой. Человек вскинул голову, шурясь от хлопьев снега, летевших прямо в глаза, услышав хлопанье крыльев над головой. Он остановился, тревожно оглядываясь по сторонам. Вьюга свистела где-то в кронах деревьев, он слышал этот звук весь свой путь, но сейчас в воздухе звенела тишина.

Человек покрепче прижал сумку к груди и внезапно увидел темный силуэт на одной из веток. Ворон следил за ним алыми угольками глаз. Было в нем нечто такое, чего человек никак не мог понять и объяснить даже самому себе. Пока случайно не заметил еще одного ворона на другом дереве, и еще одного, и еще.

И все они смотрели на него.

Следили за каждым его движением, жадно впитывали каждое проявление эмоций на его худом бледном лице. Ощувив, как липкий страх медленно подступает к горлу, он сдвинулся с места и осторожно пошел вперед. Ноги проваливались в снег, он оступался снова и снова, несколько раз едва не упал.

Что-то плохое надвигалось.

Громко каркнув, ворон пролетел прямо над его головой, задев его черным блестящим крылом. Человек едва подавил вскрик, вырвавшийся от неожиданности, и упал на колени. Судорожно вдыхая ледяной воздух, он стал разгребать трясущимися руками снег. Вырыв неглубокую яму, он сунул в нее свою сумку и поспешно зарыл ее.

На деревьях уже восседали десятки воронов. Ветки почернели от них, словно обугленные пламенем. Алые глаза, не моргая, следили за ним. Это могло означать только одно.

Человек медленно поднялся на ноги и попятился назад. Он знал, что умрет. Воздух вокруг него словно потяжелел и покрылся блестящей коркой льда. Все тело будто налилось свинцом и стало на сотню килограммов тяжелее.

Они были здесь.

Человек закрыл глаза, чтобы помолиться.

А потом вороны с яростными криками сорвались с веток и набросились на него.

Глава 1

О Десятине обычно не говорят. Это запрещено.

Старейшины утверждают, что магией пропитано все вокруг — земля, вода, даже сам воздух. А значит, любое упоминание о Десятине обязательно рано или поздно достигнет чутких ушей обитателей Бессмертных Дворов.

И уж тогда беды не миновать.

По крайней мере, так говорят. Матери с детства учат детей, что некоторые слова лучше не произносить слишком громко. Не отзываться, если в сумерках за окном кто-то зовет тебя по имени. Не подбирать в лесу странные вещи, даже если они выглядят дорогими. Особенно если выглядят дорогими...

Мужчины стараются обучить сыновей и дочерей всему, что знают сами, чтобы у тех был хоть крошечный шанс выжить, когда их выберут. На деревенских праздниках никто не поет старых песен о народе холмов, хотя когда-то их знали наизусть в каждом доме.

Иногда по ночам кто-нибудь все же слышит музыку со стороны холмов. Тихую, красивую настолько, что от нее становится не по себе. В такие ночи люди стараются не выходить из дома до самого рассвета и на все засовы запирают двери. Потому что почти у каждой семьи здесь найдется своя история о ком-то, кто однажды ушел за голосом из тумана и так не вернулся обратно.

Но раз в год молчание все равно становится бесполезным.

О Десятине невозможно забыть. Невозможно переждать ее, спрятавшись за закрытыми ставнями или запершись в собственном доме. Она приходит вместе с последним месяцем осени, когда леса вокруг деревень начинают гнить от сырости, а по утрам земля покрывается тонкой серебристой изморозью.

И тогда даже воздух словно меняется.

Люди становятся тише, на улицах реже раздается детский смех. Старики все чаще смотрят в сторону холмов, за которыми лежат земли Бессмертных Дворов.

Никто не знает, почему именно десять человек, каждую осень, каждый год. И почему Дворы до сих пор соблюдают древний договор вместо того, чтобы забрать столько смертных, сколько пожелают. Но договору уже сотни лет, и за все это время фейри ни разу его не нарушили.

Как и люди.

В мастерской отца Рэйвен всегда витали одни и те же запахи: горячий металл, масло и влажное дерево. Ими уже давно пропитались все стены, рабочий стол и каждая маленькая деталь, которыми он был завален. С самого детства этот запах ассоциировался у нее с домом и покоем, которые воцарялись вокруг, когда отец садился за работу.

«Механизмы не терпят спешки и горящих рук, Рэйвен», — назидательно повторял отец, когда она садилась рядом и раз за разом переворачивала хотя бы одну из его коробок, заполненных инструментами. Он никогда не ругал ее и не злился; интерес дочери к его ремеслу он всегда воспринимал как личное достижение и очень этим гордился.

Даже зимой здесь было душно от жара печи и старых механизмов, которыми был завален весь пол от самой двери. Элиас Арджент никогда никому не отказывал в помощи, к нему съезжались даже те, кто жил в отдаленных деревнях. Вдоль стен мастерской тянулись бесконечные полки с инструментами, деталями и разобранными устройствами, а под потолком висели несколько медных ламп, покрытых тонким слоем копоти.

Он нередко засиживался до поздней ночи, и Рэйвен находила его спящим прямо за рабочим столом. Отец по-настоящему любил свое дело, уж не говоря о том, что толковых механиков во всех ближайших поселениях можно было посчитать по пальцам одной руки.

Когда-то они с матерью Рэйвен мечтали, что она станет лекарем, будет помогать людям, но она никогда не испытывала интереса к лекарскому делу. Куда сильнее девочку занимали вещи, которые можно было разобрать на винтики, заглянуть внутрь и понять, как они работают. Со временем родители смирились с тем, что их дочь скорее просидит несколько часов, перебирая пружины, винты и крошечные шестеренки, нежели побежит к реке вместе с другими детьми. Иногда отец даже позволял ей помогать ему — поддержать деталь, принести нужный инструмент или зачистить металл наждачной бумагой. Рэйвен с удовольствием делала все то, что ему давалось с трудом из-за покалеченной руки.

Девочка, которая зачастую чувствовала себя хуже других из-за слухового аппарата, который с раннего детства висел на ее правом ухе, в мастерской полностью раскрывала свои таланты. Она обожала наблюдать, как груды бесполезного металла в руках отца постепенно обретала форму и смысл. И мечтала, что однажды сможет стать такой же, как он.

Однако прямо сейчас эта мечта виделась девушке почти ненавистной.

— Клянусь, если эта дрянь еще раз заклинит, я ее просто сожгу! — пробормотала она, вытирая грязные пальцы о старую тряпку.

Старый механический насос, занимавший добрую половину комнаты, уже не первую неделю не давал Рэйвен спокойно спать по ночам. Раздраженно ковыряясь отверткой в переплетении шестеренок, она мысленно, а порой и вслух, проклинала все, что попадалось под горячую руку.

Файлан, сидевший рядом на перевернутом ящике от запчастей, тихо рассмеялся.

— Ты так говоришь про каждый механизм.

— Потому что каждый механизм рано или поздно начинает вести себя как проклятый гоблин!

— Может, проблема не в механизмах? — задумчиво произнес Файлан, потирая пальцами подбородок.

Вскинув голову, девушка швырнула в него тряпкой. Он легко поймал ее и улыбнулся той самой улыбкой, от которой ей всегда становилось спокойнее. Рэйвен не представляла, колдовством какого толка владела его мать, наделившая его такой способностью с самого рождения.

Файлан, в отличие от нее, будто вообще не умел злиться по-настоящему. Он был из тех людей, рядом с которыми все казалось проще: и работа, и холодные зимы, и даже вечная нехватка денег или еды. Иногда девушке казалось, что если их мир однажды все-таки развалится окончательно, Файлан просто сядет где-нибудь среди руин и спокойно предложит план, как можно все собрать обратно.

Файлан вдруг соскользнул с ящика и приблизился, присаживаясь рядом с ней на корточки.

— Дай посмотрю.

— Я сама справлюсь, — фыркнула Рэйвен, дернув плечом.

— Рэйвен, — укоризненно произнес он, но она лишь покачала головой.

— Не командуй! Это моя мастерская.

— Технически, это мастерская твоего отца, — криво усмехнулся он, и она недовольно посмотрела на него. — Я пытаюсь помочь тебе.

Раздраженно фыркнув в последний раз, Рэйвен все-таки подвинулась, позволяя ему заглянуть внутрь механизма. Файлан нахмурился, разглядывая сломанное крепление.

— А вот это уже плохо.

— Да не может быть! — язвительно всплеснула руками девушка.

— Нет, серьезно. Если бы ты еще чуть сильнее дернула, весь клапан бы сорвало.

Рэйвен тут же придвинулась обратно, мгновенно почувствовав от Файлана такой привычный и родной аромат свежего хлеба, который он неизменно приносил каждый раз из отцовской пекарни. Он был совершенно прав. Следующее ее резкое движение могло обернуться окончательной гибелью насоса. И как это она сама не заметила, что клапан уже держится на честном слове?

— Да, я знаю, — как ни в чем ни бывало пожала плечами она, но на этот раз провернула отвертку куда более мягко и аккуратно. — Я видела.

— Ты уже третий день ведешь беседы с этим насосом, — выпрямившись, Файлан упер руки в бока. — Я начинаю ревновать.

— Тогда скорее тащи сюда что-нибудь тяжелое, — Рэйвен лукаво посмотрела на него из-за плеча. — Я его прикончу.

Файлан хмыкнул, осторожно отодвинул ее руку и запустил пальцы в механизм. Рэйвен вытянула шею, внимательно наблюдая за его действиями. Через несколько секунд раздался тихий шелчок.

— Вот, теперь держит, — произнес парень. — Но надолго не хватит, надо менять крепление целиком.

Рэйвен выдохнула, прижавшись спиной к верстаку. Правое ухо со слуховым аппаратом слегка зануло — как всегда, когда она нервничала. Порой ей казалось, что эта железка не только помогает ей слышать, но и усиливает все эмоции.

— Спасибо, — буркнула она неохотно, надув губы.

— Не за что, — Файлан выпрямился, вытирая руки о ее же тряпку. — Хотя могла бы сказать и чуть ласковее. Я как никак твой парень, а не подмастерье.

Рэйвен невольно улыбнулась, глядя на него снизу вверх. Он всегда так делал — мягко подкалывал ее, чтобы не дать ей утонуть в собственной раздражительности и импульсивности. Она протянула руку и слегка дернула его за воротник рубашки, притягивая к себе. Файлан охотно наклонился и поцеловал ее — спокойно, тепло и без спешки, как делал всегда. Когда он отстранился, Рэйвен все еще держала его за воротник.

— Останься сегодня? — тихо попросила она. — Отец вернется поздно, он у Генри Грина чинит мельничное колесо.

Файлан провел большим пальцем по ее щеке, стирая пятнышко от масла, и мягко улыбнулся.

— Останусь. Только сначала мне нужно помочь отцу с тестом. Он один не справится, завтра на рынок сразу после... отбора.

Рэйвен кивнула, хотя от последнего слова внутри все неприятно сжалось. В последнее время все их разговоры заканчивались словами «завтра», «потом», «нужно». Словно они оба старательно делали вид, что время еще есть и тот самый день вовсе не наступит уже совсем скоро.

Она встала, отгоняя беспокойные мысли, и потянулась, разминая затекшую спину. Через маленькое окно мастерской был виден кусок серого осеннего неба и уходящие вдаль вересковые пустоши. Сегодня они казались ей особенно угрюмыми.

— Ты слышал, что в восточном поселении на прошлой неделе забрали аж троих механиков? — спросила она внезапно. — Зачем им столько?!

Файлан замер на секунду, потом посмотрел на нее серьезно и внимательно. Причина ее раздражительности стала кристально ясной.

— Слышал. Старейшины сказали, что «по списку».

— По списку! — фыркнула Рэйвен. — Как будто это просто заказ на базаре, а не живые люди, у которых семьи остались без главных кормильцев. Неужели, они не понимают, что практически обрекли их на голодную смерть?

Она подошла к полке и взяла маленький медный ключ, который когда-то сама собрала из старых деталей. Повертела в пальцах, задумчиво кусая губу, как делала всегда, когда нервничала.

— Иногда я думаю... если бы я не была механиком, может, и не боялась бы так. Просто жила бы как все. А так... каждый раз, когда приходит осень, я ловлю себя на мысли: вдруг в этом году в списке окажусь я? Или отец. Или ты.

Файлан подошел сзади и обнял ее за талию, прижавшись подбородком к золотистой макушке Рэйвен. Подобные мысли часто навещали и его, но он старался не поднимать эту тему, чтобы лишний раз не пугать ее.

— Не окажешься. Ты же знаешь, что списки все равно формируют старейшины, хоть и прикрываются, что это якобы выбор фейри. Семьи с полезными ремеслами они стараются... прикрывать. А твоего отца все ценят.

— Прикрывать, — невесело хмыкнула Рэйвен. — Красиво ты замаскировал «бросать других на съедение».

Она повернулась в его объятиях и уткнулась лицом ему в грудь. От парня пахло хлебом, дымом и чем-то теплым, домашним. Она обожала этот запах.

— Прости, что я такая сегодня, — прошептала она. — Ты же ни в чем не виноват. Я просто не хочу туда, Файлан. Я хочу остаться здесь, с тобой. С папой. Чинить эти проклятые насосы и ругаться на них каждый день.

Файлан лишь молча гладил ее по спине. Он никогда не обещал того, в чем не мог быть уверен. Это было одной из причин, почему она его любила — и одной из причин, почему иногда ей хотелось его встряхнуть.

Снаружи вдруг послышались голоса. Кто-то громко постучал в дверь, и Рэйвен вздрогнула и отстранилась от Файлана, который тоже мгновенно напрягся. В глазах у него мелькнуло беспокойство.

— Это Рейнар, — сказал он тихо. — Опять.

Рэйвен подошла к окну и сразу почувствовала, как внутри все скрутило. У крыльца действительно стоял Рейнар — старший сын старейшины. Высокий, самоуверенный и непроходимо тупой. На губах у него застыла мерзкая ухмылка, которую она терпеть не могла вот уже второй год.

Он приходил уже не в первый раз. То подкарауливал возле колодца, то «случайно» заходил в мастерскую, когда отца не было дома. Каждый раз весьма прозрачно намекал, что неравнодушен к ней и что его покровительство обеспечит ей безопасность и неприкосновенность во время Десятины. Возможно, другая девушка на ее месте давно согласилась бы на его предложение, но Рэйвен хватило одного сального взгляда Рейнара, чтобы возненавидеть его. Каждый раз он смотрел на нее так, будто она уже была его.

Файлан встал рядом и тихо выругался.

— Опять он. Рэйвен, не выходи никуда.

— Арджент! — крикнул Рейнар. — Открывай, я знаю, что ты дома. Не прикидывайся глухой.

Рэйвен почувствовала, как внутри закипает привычная ярость. Он имел наглость дразнить ее за недуг, из-за которого ее отец лишился пальцев, лишь бы подарить ей возможность нормально слышать.

— Вот ублюдок, — процедила она.

Файлан, предчувствуя беду, схватил ее за руку.

— Рэйвен, не надо. Он просто ищет повод.

— А я сейчас дам ему повод, — она вырвала руки и решительно направилась к двери.

— Подожди!

Но она уже толкнула дверь. Холодный воздух резко ударил в лицо. Рейнар обернулся, его глаза хищно блеснули. За его спиной маячили румяные, круглые лица его дружков, которые тоже не блистали умом и нагло ухмылялись. Дальше по улице она заметила нескольких застывших сельчан, которые, учуяв скандал, замедлили шаг, чтобы не пропустить самое интересное.

— О, наконец-то! — обрадовался Рейнар. — А я уж подумал, ты опять будешь прятаться за своим пекарем.

Рэйвен застыла на крыльце. Руки сами сжались в кулаки, но она изо всех сил старалась держаться спокойно.

— Чего тебе, Рейнар?

Его взгляд скользнул по ней — от растрепанных светлых волос до грязных рук, задержавшись на слуховом аппарате у правого уха.

— Арджент, — протянул он почти ласково. — Опять вся в масле. Впрочем, тебе идет. Грязь тебе к лицу.

Файлан вышел следом за ней и встал чуть впереди, пытаясь закрыть собой. Рэйвен едва сдержала порыв взять его за руку. Сердце у нее стучало тяжело и зло.

— Рейнар, — серьезно сказал Файлан. — Если у тебя есть дело — говори и уходи. Нечего тут круги нарезать.

Рейнар шагнул ближе. Его приятели остались чуть поодаль, ухмыляясь. Взгляд парня был устремлен лишь на Рэйвен, будто Файлана вообще не существовало.

— Я просто подумал... — он понизил голос, но недостаточно тихо, чтобы соседи не могли услышать. — У тебя ведь проблема с ушком, верно? Одно не слышит совсем без этой железяки. Бедная, должно быть, тяжело в таком мире жить... особенно когда вокруг столько опасностей.

Он облизнул нижнюю губу.

— Но я мог бы помочь. Мой отец ведь старейшина. Если я попрошу его как следует... можно сделать так, чтобы тебя и твоего калеку-отца обошли стороной в этом году. Ты же понимаешь, о чем я.

Рэйвен ощутила, как кровь прилила к лицу. Намек был грязным, и он даже не попытался это скрыть.

— А взамен, — продолжил Рейнар тише, почти интимно, — ты могла бы иногда приходить ко мне. По-доброму, по-тихому. Я бы тебя согрел. Научил, как правильно использовать свой острый язычок... не только для ругани.

От этих слов у нее в горле встал комок ярости и отвращения. Она даже не смогла бы припомнить сейчас, когда в последний раз что-то приводило ее в такое бешенство. Краем глаза она заметила, как рядом окаменел от злости Файлан.

— Ты мразь, — выдохнула она дрожащим голосом.

Рейнар усмехнулся.

— А твой отец... старый уже. Руки его толком не слушаются, я сам видел. Если вдруг твое имя окажется в списке, кто тогда будет помогать ему? Подумай хорошенько, Рэйвен. Ты же умная девочка. Несмотря на свою глухоту.

В этот момент что-то внутри нее лопнуло, будто струна оборвалась, остро хлестнув ее по лицу. На краю крыльца стояло ведро с грязной водой, в которой отец отмачивал ржавые детали. Вода была мутной, маслянистой, с резким металлическим запахом. Рэйвен, не думая, схватила ведро обеими руками. Файлан резко повернулся к ней, схватил за локоть:

— Рэйвен, нет!

Но было уже поздно. Она с размаху выплеснула все содержимое прямо Рейнару в лицо.

Грязная жижа окатила его с головы до ног. Он отшатнулся, зашипев, как ошпаренный. По его дорогой куртке потекли черные потеки, в светлых волосах застряла мелкая железная стружка.

На мгновение повисла тяжелая тишина.

Рейнар медленно провел ладонью по лицу, стирая грязь. Его глаза горели такой чистой, холодной ненавистью, что у Рэйвен по спине пробежал озноб. До этого она лишь огрызалась на него или игнорировала, не позволяя себе столь открытых действий.

— Ты только что совершила большую ошибку, — тихо сказал он, глядя ей в глаза. Голос был спокойный, даже ласковым. — Очень большую.

Рэйвен стояла, все еще сжимая пустое ведро. Злость понемногу начала отступать, и на смену ей хлынул ужас.

«Что я наделала...»

— Ты только что подписала себе приговор. И своему отцу тоже.

Файлан шагнул вперед, загораживая Рэйвен собой. Яростный взгляд сына старейшины наконец полоснул и по нему.

— Рейнар, — жестко сказал Файлан. — Убирайся. Сейчас же.

— Завтра Десятина, — произнес Рейнар, глядя на Рэйвен. — И я очень постараюсь, чтобы ты запомнила этот день надолго.

Он развернулся и пошел прочь, оставляя за собой мокрые грязные следы. Его приятели молча двинулись следом. Рэйвен стояла, все еще сжимая пустое ведро. Ярость отступила так же быстро, как и нахлынула, оставив после себя дрожь и горькое сожаление.

Ведро выскользнуло из пальцев и с глухим стуком упало на доски.

— Проклятье... — прошептала она. — Я не хотела... так...

Файлан повернулся к ней. На его лице была смесь тревоги и усталости. Он точно знал, что сегодняшнее зрелище дорого обойдется Рэйвен. Мелочный Рейнар не оставит без ответа подобное унижение.

— Я ведь просил не выходить, — тихо сказал он без упрека. Затем притянул ее к себе и крепко обнял. — Теперь будет хуже.

Рэйвен закрыла глаза и прижалась к нему, чувствуя, как внутри все дрожит.

— Он просто... достал меня. Я не выдержала.

Файлан молча погладил ее по спине, но в его молчании она ясно читала: на этот раз она зашла слишком далеко.

Глава 2

Вечерний туман густо стекал вниз по холму, ведущему к лесу. Солнечный свет медленно тускнел, терялся среди тяжелых облаков, оставляя после себя только бледно-розовую полосу на небе и холодный, влажный воздух, пахнувший прелой листвой и дымом из деревенских труб. Рэйвен и Файлан сидели на старом поваленном стволе дуба у самого края глубокого оврага — в том самом месте, где они с малых лет привыкли прятаться от всего мира.

Рэйвен подобрала колени к груди, слегка наклонившись вперед. Грязь на ее пальцах уже подсохла, но девушка старательно терла ее рукавом рубашки. Это привычное действие странно успокаивало ее после случившегося. Она упрямо сжимала зубы, игнорируя слабое покалывание в правом ухе — верный знак, что она сегодня слишком много нервничала.

Файлан сидел рядом, ближе обычного. В руке он вертел сухую ветку, отламывая от нее по кусочку каждый раз, когда бросал на девушку настороженный взгляд. Он прекрасно знал, что первой она разговора не начнет. Характер заставлял ее до последнего отмалчиваться и делать вид, что ничего особенного не произошло.

— Ты понимаешь, что теперь будет? — тихо спросил он и специально отвел взгляд в сторону.

Насколько хватало глаз, простиралась вересковая пустошь, укрытая густым лиловым ковром цветущих кустов. Обычно в это время они уже начинали блекнуть и осыпаться, но нынешнее лето словно не желало уступать место осени. Вечерний ветер лениво перекачивался над холмами, заставляя фиолетовые волны цветов едва заметно колыхаться, будто поверхность далекого моря.

Прохладный воздух был пропитан сладковатым ароматом вереска, кое-где смешивающимся с горькой нотой остывающей земли. В наступающих сумерках это лиловое море казалось почти черным, мрачным. Туман, выползающий из оврага, медленно затапливал низины, отсекая их маленький холм от остального мира. Одинокие скалистые выступы, торчащие среди зарослей, теперь походили на спины заснувших каменных чудовищ.

Это было их место. Дикое и колючее, не прощающее слабости, но сейчас Рэйвен впервые показалось, что пустошь замерла в каком-то тревожном, болезненном ожидании, готовая поглотить их обоих.

Файлан бросил на землю последний обломок ветки. Сухой стук деревяшки прозвучал слишком громко в этой звенящей тишине. Рэйвен вздрогнула и тут же пожала плечами.

— Ничего не будет. Он ничего не сделает.

— Рэйвен, — Файлан вздохнул. — Ты облила помоями сына старейшины. На глазах у половины улицы. Это не шутка.

— Он сам напросился, — процедила она, не отрывая взгляда от испачканных рук. — Ты слышал, что он мне говорил? Про «отблагодарить», про моего отца... — Она сжала челюсти. — У него кишка тонка что-то сделать. Он всегда только языком треплет.

Файлан резко повернулся к ней. В сумерках его лицо выглядело старше своих двадцати двух лет. Он смотрел с укоризной, которую она не привыкла видеть в его мягком, любящем взгляде.

— Раньше — да. А теперь ты его публично унизила. Такие, как Рейнар, этого не прощают. Особенно сейчас, когда все ждут Дес... ты поняла.

Он осекся и невольно окинул взглядом пустой холм. Они были здесь одни, но с самого детства их учили, что даже у холмов были глаза и уши.

Слово, которое он не произнес до конца, тяжелым осадком легло между ними. *Десятина*. Всего четыре слога, из-за которых каждую осень деревня задыхалась от липкого, звериного

ужаса. Время, когда граница между мирами истончалась, и из тумана приграничья являлись они — всадники Бессмертных дворов, забирающие живую дань.

Рэйвен ощутила, как внутри все болезненно сжалось, но упрямство — ее верный, прожавевший щит — сработало быстрее, чем страх. Она резко опустила ноги, глухо стукнув сапогами по сырой траве.

— Рейнар не фейри, Файлан, — зло выдохнула она, повернувшись к нему. — Он обычный трус, который чуть что на каждом углу кричит о своем отце. Списки тех, кого отдадут на Десятину, утверждает совет общины, а не один обиженный мальчишка.

— Совет общины слушает его отца, — Файлан подался вперед, перехватывая ее за запястье. Его пальцы были теплыми, шершавыми, и от этого привычного прикосновения у Рэйвен на мгновение перехватило дыхание. — А старик сделает все, чтобы обелить своего ненаглядного сынка. Если Рейнар наплетет ему невесть что про тебя... Они впишут твое имя первым, Рэйвен! Просто чтобы избавить деревню от лишнего рта.

Рэйвен попыталась выдернуть руку, но он держал крепко — не больно, но с той отчаянной силой, от которой у нее внутри заныло. В его глазах, отражающих последние розовые блики угасающего неба, плескался такой чистый, неподдельный страх за нее, что скрываться за привычной злостью стало трудно.

— И что, мне надо было молчать? Позволить ему дальше меня раздевать глазами и намекать, что я должна под него лечь, чтобы спасти отца? — голос у нее дрогнул. — Считаю меня дурой, но я так не могу. Не могу, и все.

Он протянул руку и осторожно убрал прядь волос с ее лица.

— Я знаю. Но иногда лучше проглотить и перетерпеть... чем потом расплачиваться.

— Пусть вписывают, — уже тише пробормотала она. — Я руками зарабатываю на каждый кусок хлеба, который съедаю. Община не посмеет. Они знают, что без меня на мельнице...

Она осеклась, бросив взгляд направо, туда, где в низине у ручья стояла их деревенская мельница. Старая, скрипучая, с вечно барахлящим приводом, который она перебирала каждые две недели. Собственные слова показались ей мелочной чушью. Ну какая, упасите боги, мельница?!

Файлан молчал. Его теплые пальцы ласково поглаживали ее руку. В долине тихо шелестел ручей. Вдалеке, на холмах, уже начали загораться первые холодные огоньки — фейри редко показывались так близко к человеческим землям, им запрещал Договор. Однако в последние годы их свет все чаще мелькал между деревьями. Словно напоминал: *мы здесь и мы свое не упустим.*

Они возвращались в темноте, почти не разговаривая. Файлан шел на полшага впереди, то и дело придерживая Рэйвен за локоть на крутых, размытых туманом тропинках. Его присутствие рядом казалось нерушимым, как тот старый дуб, на котором они сидели. У самого порога ее дома он остановился, мягко привлек ее к себе и прижался губами к ее виску. Рэйвен судорожно выдохнула, уткнувшись носом ему в грудь. Постояв так какое-то время, он отстранился, взял ее лицо в ладони и поцеловал — долго и мягко, будто хотел запомнить этот вечер. Рэйвен подалась вперед, прижимаясь к нему всем телом и отвечая на поцелуй.

— Закройся на все засовы, — сказал он, отстраняясь. — И не выходи, если что-то услышишь.

— Ты тоже будь осторожен, — прошептала она, глядя ему в глаза.

Файлан кивнул и пошел в сторону своей улицы. Рэйвен стояла на крыльце, пока его фигура не растворилась в темноте, а потом вошла в дом и задвинула тяжелый засов. Прислонившись спиной к двери, она долго стояла, зажмурившись и прислушиваясь к каждому шороху на улице.

Файлан прошел вдоль улицы, сунув руки в карманы и прокручивая в голове этот богатый на события день. Он изо всех сил старался не злиться на Рэйвен, и это даже почти получалось. А вот не злиться на себя никак не выходило.

Он должен был выбить из Рейнара весь дух за один только взгляд на нее. Но, вместо этого, он лишь стоял, как истукан, и даже не сумел защитить честь своей девушки. Уже не говоря о том, чтобы остановить ее от такого опрометчивого поступка.

Свернув в глухой переулок за кузницей, он вышел на короткую дорогу, ведущую к дому через заброшенные амбары. Туман здесь был особенно густым, он глушил все звуки, но Файлан успел уловить чужое, частое дыхание и шорох шагов по мокрой траве. Он резко обернулся, но было слишком поздно.

Темный силуэт вырос перед ним словно из ниоткуда.

— Ну что, нагулялись, голубки? — из темноты донесся глумливый голос одного из приятелей Рейнара.

Файлан едва успел вскинуть руки для защиты, как тяжелый удар дубины обрушился ему на предплечье. Кость мгновенно отозвалась сухим, страшным хрустом. Парень вскрикнул, оседая на землю, и тут же на него навалились еще двое. Удары посыпались градом, один за другим — он едва успел сжаться в комок, прикрывая голову и живот руками.

Из темноты амбаров, вальяжно поправляя куртку, вышел сам Рейнар. Он даже не пачкал руки, просто стоял чуть поодаль, лениво жуя травинку и наблюдая, как его дружки, тяжело дыша, старательно колотят Файлана ногами.

— Это тебе за твою сумасшедшую девку, — тихо, сквозь зубы процедил Рейнар, когда Файлан уже перестал закрывать лицо, хрипя и захлебываясь кровью вперемешку с дорожной грязью. — Передай этой глухой дуре, что на Десятину она поползет на четвереньках, если не научится кланяться тем, кто выше ее. Хватит с него. Пошли.

Все прекратилось так же быстро, как и началось. Парни растворились в темноте, а Файлан остался лежать на сырой земле среди прелой листвы, судорожно хватая ртом холодный воздух и пытаясь удержать ускользающее сознание. В ушах звенело, а перед глазами, вместо темноты, почему-то все еще стояли те самые далекие, холодные огоньки Бессмертных дворов на холмах.

Рэйвен проснулась от того, что в ухе противно и тонко фонило — похоже, за ночь туман так и не рассеялся, превратившись в сырую утреннюю изморозь. Именно на нее обычно так капризно реагировал ее слуховой аппарат. Она даже как-то попыталась в нем поковыряться, ища причину такой необычной реакции, но отец быстро пресек эту попытку. Видимо, слишком переживал, что она ненароком сломает что-то внутри сложного механизма.

В комнате было прохладно, из полуоткрытого окна тянуло сыростью и прелым запахом гнилой травы. Отец уже был на ногах. Рэйвен услышала его тяжелые, размеренные шаги на кухне, а затем глухой стук заслонки печи. Наскоро натянув рубаху и штаны, она привычным движением поправила за ухом металлический корпус аппарата и вышла из каморки.

Отец сидел у стола, обрезая нагар с фитиля масляной лампы. На появление дочери он даже не поднял голову, лишь сильнее сжал пальцами тупые ножницы. По его застывшим плечам и тому, как резко он дышал, Рэйвен сразу поняла: он уже все знает.

Делая вид, что ничего не случилось, она подошла к корыту с чистой водой и наскоро умылась, чувствуя спиной взгляд отца. Вытирая лицо, она никак не могла избавиться от острого желания втянуть голову в плечи.

— Томас заходил на рассвете, — негромко произнес Элиас, не отрывая взгляда от лампы, когда она обернулась.

Его обманчиво спокойный голос лишь заставил Рэйвен напрячься сильнее. Отец не отличался кротким нравом, эту черту она унаследовала от него. Она уже было хотела открыть рот, чтобы рассказать, как все было на самом деле, но отец вдруг отложил в сторону лампу и с такой

силой ударил кулаком по столу, что медные чашки, стоявшие на краю, испуганно подпрыгнули и зазвенели. Рэйвен лишь прикусила щеку изнутри.

— Ты что устроила, паршивка?! — рывкнул он так, что у нее в правом ухе мгновенно зазвенело, отозвавшись тонким, болезненным пискком.

— Он первый начал, — сухо буркнула она, скрестив руки на груди. — Стоял у нашей двери и...

— Рэйвен, — отец наконец посмотрел прямо на нее. В его глазах не было злости, только глухая усталость человека, который с самого рассвета варился в тревоге и страхе. — Мне плевать, где он стоял. И что говорил — тоже плевать. Рейнар — это кусок паршивого дерьма, это вся деревня знает. Но его отец сегодня зачитает список, в котором может оказаться твое имя! Как ты не понимаешь этого?!

Элиас отодвинул в сторону ножницы. Затем шумно выдохнул, тщетно пытаясь взять себя в руки.

— Ты думаешь у тебя девять жизней в запасе?! — глухо произнес он, тяжело дыша. Его широкие плечи мелко дрожали от едва сдерживаемого гнева. — Ты у меня одна, Рэйвен. Одна! А лезешь на рожон так, словно за твоей спиной стоит целая армия, а не один стареющий калека!

— Я могу за себя постоять, папа! — тоже взорвалась Рэйвен, делая шаг вперед. — Я не маленькая девочка и за чужие спины прятаться не буду. Он распускал руки, открыто говорил, что...

— Да потому что он может это сделать! — отец резко встал из-за стола и шагнул к ней, схватил за плечи. Его огромные, мозолистые ладони сжались крепко, с той отчаянной силой, с какой хватаются за то, что боятся потерять. — Он может, а ты — нет! Ты лезешь в драку, не думая о последствиях. Ты думаешь, ты самая умная? Самая сильная? Да если этот кусок дерьма решит тебе отомстить, если его дружки подкараулят тебя в темноте у мастерской... Что ты сделаешь, Рэйвен? Своими железками в них швырять будешь?!

— Я его не боюсь, — тихо процедила она, пытаясь высвободиться из его хватки.

— А я боюсь! — гаркнул Элиас прямо ей в лицо, и его голос на секунду прозвучал хрипло и надломленно. Он разжал пальцы и отступил на шаг, опустив голову. — Я боюсь за тебя каждую чертову секунду, Рэйвен. С того самого дня, как твою мать забрали... С того дня, как ты перестала слышать этим ухом. Ты думаешь, я от хорошей жизни заставляю тебя сидеть тут до темноты? Я хочу, чтобы ты была на виду. Чтобы никто близко не смел подойти к моей девочке. А ты берешь ушат дерьма и рушишь все, что я пытаюсь строить.

Рэйвен замерла, сжимая кулаки. Весь ее боевой запал вдруг наткнулся на эту стену отцовской заботы. Ей хотелось кричать, доказывать свою правоту, сказать, что он душит ее своей опекой, но то, как отец сейчас сгорбился у стола, тяжело дыша, лишало ее всех аргументов.

Элиас вздохнул, потянулся к вешалке у двери и снял свой плотный кожаный фартук.

— В полдень Десятина, Рэйвен, — глухо сказал он, накидывая лямку на шею. — На площади будет вся деревня. Старейшина, Рейнар со своими прихвостнями... Мне нужно разжечь горн и закончить оси для телеги старосты, иначе этот старый хрен сожрет меня еще до приезда всадников. А ты беги к Файлану.

Рэйвен удивленно моргнула, не ожидая такой перемены.

— К Файлану? Зачем?

— Затем, — отец строго посмотрел на нее, затягивая кожаный пояс на поясице. — Пусть рядом сегодня будет. Держись за него. Файлан парень крепкий, при нем к тебе этот сопляк Рейнар среди толпы не сунется. После можешь привести его сюда, если захочешь. Главное — перед глазами у старейшины одна не маячь. Иди.

Рэйвен молча кивнула, чувствуя, как внутри немного отпускает. Привычная мысль о Файлане, о его теплых руках и вчерашнем поцелуе на крыльце принесла мимолетное облегче-

ние. Она шагнула в каморку, наспех натянула куртку и почти бегом бросилась через переулки к дому Файлана.

Дверь открыла его мать — Агнес. Выглядела она уставшей и встревоженной, нервно вытирала руки о фартук, пропуская Рэйвен внутрь.

— Рэйвен? Ты чего так рано, дорогая? — в доме пекаря пахло сушеными травами и дрожжами. — Файлан еще не выходил сегодня. Приболел, похоже. Ночью вернулся, закрылся у себя и носа не высовывает. Сказал только через дверь, что простудился и чтобы я его не трогала.

Рэйвен кивнула, но внутри у нее все болезненно сжалось, в голову закралось тревожное подозрение. Простудился? Файлан, который мог в одной рубашке колоть дрова до самых первых заморозков?

— Я поговорю с ним, — тихо сказала она и, не дожидаясь ответа, прошла по узкому коридору к его комнате. Коротко постучала в низкую деревянную дверь. — Файлан? Это я. Отец сказал, чтобы мы шли на площадь вместе. Выходи.

За дверью долго стояла тишина. Рэйвен прижалась здоровым ухом к косяку, ловя звуки, и наконец услышала тяжелое, сиплое дыхание.

— Иди без меня, Рэйвен, — донесся его голос. Он звучал странно — глухо, свистяще, будто Файлану было тяжело проталкивать воздух сквозь горло. — Я... я неважно себя чувствую. Иди, я догоню позже.

— Файлан, открой, — Рэйвен дернула за ручку, но дверь была заперта на защелку изнутри. — Что значит «иди без меня»? Сегодня Десятина.

— Пожалуйста, Рэйвен, уходи, — в его голосе промелькнула отчетливая, судорожная мольба. — Со мной все нормально. Просто иди на площадь к отцу.

Чуя неладное, Рэйвен не стала дальше спорить. Проворно запустив пальцы в щель между косяком и старой дверью — она прекрасно знала, как устроена эта хлипкая защелка, ведь сама помогала ее чинить, — она резко толкнула ее снизу, и дверь, издав сухой щелчок, поддалась.

— Файлан, я сказала... — Рэйвен шагнула прямо внутрь и осеклась. Слова так и застряли у нее в горле.

В комнате царил полумрак, штора была плотно задернута. Файлан сидел на краю кровати, согнувшись пополам, и в утреннем полумраке его фигура казалась изломанной и чужой. На нем была все та же вчерашняя рубашка, но теперь вся ее левая сторона была залита темными, уже подсохшими бурыми пятнами.

Когда он медленно, с явным трудом поднял голову, Рэйвен судорожно выдохнула, прижимая ладонь к губам.

Его правый глаз полностью заплыл и превратился в багровую, страшную щель, рассеченная бровь склеилась от запекшейся крови, нижняя губа была разбита, а на скуле проступал темно-фиолетовый кровоподтек. Но хуже всего было его предплечье — он прижимал левую руку к телу, и Рэйвен сразу заметила, как неестественно, под жутким углом была вывихнута кость под разорванным рукавом.

Он посмотрел на нее своим единственным здоровым глазом, и в этом взгляде было столько стыда и горького, бессильного отчаяния, что Рэйвен показалось, будто ее саму ударили под дых.

— Я же просил тебя... не заходить, — едва слышно прохрипел он, пытаясь отвернуться, чтобы спрятать от нее изувеченное лицо.

Рэйвен сделала шаг вперед, и колени у нее подогнулись сами собой. Она глухо опустилась на дощатый пол прямо перед кроватью. Руки ее взлетели к его лицу, но тут же замерли в сантиметре от разбитой губы — она безумно боялась сделать ему еще больнее.

— Кто?.. — выдохнула она, хотя ответ раскаленным гвоздем уже засел в ее голове. — Это он? Рейнар?

Файлан не ответил, лишь сильнее стиснул зубы, судорожно втянув воздух сквозь разбитые губы. Но этого молчания было более чем достаточно. Внутри у Рэйвен что-то с треском лопнуло и наружу вырвалась черная, удушающая ярость. Ей захотелось побежать обратно в кузницу, схватить самый тяжелый, раскаленный добела железный прут и хлестать им Рейнара по лицу до тех пор, пока тот не перестанет дышать. Заставить его захлебываться воплями, заплатить за каждую секунду боли, которую Файлан прожил этой ночью в этой душной комнате.

— Я убью его, — процедила она сквозь зубы, и ее собственный голос показался ей чужим. — Клянусь тебе... Я найду его прямо на площади, на глазах у его отца, и я... я убью эту тварь.

Она потянулась к его руке, бережно, одними кончиками пальцев касаясь разорванного рукава рубашки, и в этот самый момент ее ярость резко сменилась совсем иным чувством. Смотреть на его раны, на эти багровые потеки было невыносимо. Глаза обожгло.

Слезы хлынули градом, мгновенно застилая зрение и оставляя горячие, мокрые дорожки на ее холодных щеках. Рэйвен сердито и резко крутанула головой, пытаясь их смахнуть, но они продолжали течь, капая на его перепачканные грязью колени. Она шмыгнула носом, ненавидя себя за эту слабость, ненавидя Рейнара, ненавидя проклятые Бессмертные дворы с их Десятиной.

Файлан со свистом выдохнул и медленно, преодолевая боль, протянул здоровую руку. Его пальцы, испачканные в подсохшей крови, коснулись ее мокрой щеки.

— Рэйвен, нет, — тихо, с трудом размыкая спекшиеся губы, прохрипел он. — Не смей. Он только этого и ждет. На площади... тебе нужно держаться тихо, пожалуйста.

Он попытался сжать ее щеку чуть сильнее, но пальцы соскользнули, оставив на ее коже грязный смазанный след. Рэйвен порывисто поймала его ладонь, прижала к своим губам и продолжала глухо, зло плакать, уткнувшись лбом его колено. На пороге вдруг послышался шорох. Агнес, уставшая ждать в коридоре, приоткрыла дверь.

— Дети, ну что вы там возитесь столько...

Ее речь оборвалась на полуслове. Сначала из груди женщины вырвался короткий, задуманный всхлип, а затем комната наполнилась ее испуганными воплями. Агнес бросилась к кровати, едва не сбив Рэйвен с ног. Схватившись за голову, она трясущимися руками пыталась коснуться разбитого лица сына и все повторяла его имя, то и дело срываясь на истерический плач.

— Мама, тихо... тихо, — бледнея еще сильнее, умолял Файлан, но его голос тонул в ее причитаниях.

Рэйвен резко поднялась с колен. На смену слезам снова пришла злость. Она силой оттащила плачущую Агнес от кровати, заставив ту посмотреть на себя.

— Успокойтесь! Нужен лекарь и быстро. Бегите за старым Томасом, пока всех не вызвали на площадь!

Судорожно кивая и размазывая слезы по лицу, женщина выскочила из дома. А уже через четверть часа пришел старый Томас, тяжело отдуваясь и таща за собой потрепанную кожаную сумку. Времени на нежности не было — в долине уже протяжно завыв сигнальный рог, возвещающая о том, что солнце приближается к зениту. Лекарю пришлось действовать быстро и безжалостно. Он велел Рэйвен и отцу Файлана, прибежавшему из пекарни и белому как мел, крепко держать парня за плечи.

Когда Томас резко, с силой потянул и крутанул вывихнутое предплечье, вправляя кость на место, Файлан не закричал. Он лишь глухо, страшно взвыл сквозь сомкнутые зубы, и Рэйвен почувствовала, как его тело на секунду одеревенело, а по спине покатился ледяной пот. Зубы парня прокусили нижнюю губу до новой крови, и он на несколько секунд потерял сознание, уткнувшись лбом в плечо отца.

Томас наскоро наложил тугие лубки, обмотав руку серым холстом, смазал рассеченную бровь пахучей мазью и обмыл лицо от грязи. Но легче от этого не стало. Файлан выглядел ужасно: бледный, с огромной черно-синей гематомой на всю правую сторону лица, с висящей на перевязи рукой. Когда его попытались поднять, его повело в сторону — ноги парня держали плохо, в груди при каждом вздохе что-то нехорошо хлюпало.

— Ему лежать надо, — покачал головой лекарь, собирая инструменты. — Но если не придет на площадь... сами знаете.

Отец Файлана, молчаливый и осунувшийся, осторожно подставил сыну крепкое плечо. С другой стороны парня подхватила Рэйвен, бережно обняв его за пояс. Файлан попытался слабо опереться на нее, тихо шепча: «Я сам, сам...», но она лишь сильнее сжала пальцы на его боку, заставляя замолчать.

Они вышли на улицу. Деревня словно вымерла, но это была обманчивая тишина — все дороги вели в одно место. Туман к полудню так и не ушел, он висел над крышами тяжелым серым саваном, смешиваясь с горьким дымом.

Чем ближе они подходили к рыночной площади, тем гуще становилась толпа. Люди шли целыми семьями, молча, опустив головы. Слышался только шаркающий стук сотен сапог по сырой земле и тихий плач детей, которых матери крепко прижимали к своим юбкам. На них, и особенно на избитую фигуру Файлана, начали оглядываться. Соседи испуганно шептались, кто-то начинал молиться богам, прижимая к груди их деревянные статуэтки, но все поспешно отводили глаза, боясь навлечь беду и на себя. Все понимали, чьих это рук дело. И все понимали, почему.

На краю площади, у старой ратуши, уже выстроились старейшины. И Рэйвен сразу, сквозь пелену слез и злости, увидела Рейнара. Тот стоял за спиной своего отца, в чистой дорожной куртке, вальяжно уперев руки в бока. Заметив их маленькую процессию, он медленно перевел взгляд на Файлана, а затем посмотрел прямо на Рэйвен — открыто, с гадкой, торжествующей усмешкой.

Перед глазами у нее возникла алая пелена. Файлан, почувствовав, как окаменело ее тело, слегка наклонил голову и мягко прижался губами к ее макушке. Это подействовало на Рэйвен отрезвляюще. Ее эмоции уже стоили Файлану слишком дорого, снова подвергать опасности его или кого-либо еще она просто не имела права. Девушка отвела глаза, стала искать в толпе отца и вскоре наткнулась на его ошарашенный взгляд. Он явно не верил тому, что видел.

Элиас стоял у самого края среди других кузнецов и механиков. Его широкие ладони, стиснутые в кулаки, побелели, а взгляд метался от изуродованного лица Файлана к Рейнару. Рэйвен едва заметно качнула головой, умоляя отца не делать глупостей, и крепче прижалась к боку Файлана.

На деревянный помост перед ратушей вышел старейшина. В руках он держал свиток из плотной серой бумаги, перевязанный черной шелковой лентой. Туман вокруг площади, казалось, стал еще гуще, и в этой сырой, душной мгле голос старика прозвучал неестественно громко, раскатываясь над притихшей толпой.

Он читал медленно, растягивая каждое слово. С каждым новым именем площадь отзывалась глухими всхлипами. Семьи, чьих родных называли, ломались прямо на глазах у односельчан. Но никто ни за кого не заступался. Это было запрещено. Да и каждый радовался, что беда в этот раз обошла его стороной.

Рэйвен почти не слушала их. Пятым. Шестым. Седьмым.

Файлан дышал тяжело, со свистом, его здоровая рука, лежащая на плече Рэйвен, судорожно вздрагивала каждый раз, когда старейшина делал паузу.

Восьмым.

— Девятый, — старик на секунду запнулся, обводя площадь тяжелым взглядом, и Файлан рядом с Рэйвен судорожно, почти облегченно выдохнул. Самыми последними обычно называли крупных и сильных мужчин.

Но старейшина опустил глаза в свиток и громко, без тени сомнения, произнес:

— Рэйвен Арджент.

Воцарилась гробовая, звенящая тишина. Даже плач в дальних рядах мгновенно стих. На Рэйвен со всех сторон уставились сотни глаз — испуганных, жалостливых и одновременно полных животного, почти постыдного облегчения. Внутри у нее все заледенело, но страх не успел парализовать ее. Она не была удивлена. Горькие, пророческие слова отца, сказанные утром в мастерской, сбылись с точностью до единого звука. Рейнар своего добился.

Рэйвен сделала глубокий вдох, собираясь с силами. Ей нужно было отпустить Файлана, высвободить свою руку из-за его пояса и сделать эти несколько шагов к помосту. Она обернулась к нему, чтобы беззвучно попрощаться, и в этот момент старейшина, даже не сделав положенной паузы, развернул свиток до самого конца.

— Десятый, — сухо отчеканил он. — Файлан Уэлс.

Глава 3

Как-то раз, перебирая заклинивший привод на водяной мельнице, Рэйвен промахнулась и со всего размаху всадила тяжелым молотком по собственному пальцу. От боли тогда знатно полыхнуло в глазах, а воздух на несколько мгновений застрял в легких.

Точно так же она ощущала себя и сейчас.

Мир вокруг в одно мгновение выцвел до грязно-серого, а собственное имя, пронесшееся над притихшей толпой, показалось чужим и бессмысленным. У нее зашумело в ушах так, что захотелось сорвать слуховой аппарат и отшвырнуть куда-подальше.

Рэйвен сделала короткий, судорожный вдох, но ребра будто сдавило тяжелым железным обручем. Люди вокруг нее взволнованно зашептались, но она видела лишь застывшее, равнодушное лицо старейшины на помосте и свиток в его слегка трясущихся руках. Облегчение, которое испытали все остальные, как только было объявлено последнее имя, осело на плечи удушливой тяжестью.

Девушка медленно опустила взгляд на свои руки, все еще держащие Файлана за пояс. Пальцы казались деревянными. Нужно было отпустить его. Сделать первый шаг. Найти отца. Сделать хоть что-то и ни в коем случае не показывать свой страх, но она не могла. Она просто не могла пошевелиться.

— Нет... Нет! — пронзительный крик, разорвавший тишину, принадлежал Агнес.

Мать Файлана вдруг рухнула на колени, схватившись рукой за штанину мужа, но тот стоял как каменное изваяние, уставившись куда-то перед собой остекленевшими глазами.

А затем площадь содрогнулась от другого крика.

— Не позволю! — рев Элиаса Арджента был похож на рычание раненого зверя.

Рэйвен рванулась всем телом, но здоровая рука Файлана судорожно, мертвой хваткой вцепилась в ее рубашку. Парень тяжело дышал ей в макушку, его заметно трясло.

— Папа! — попыталась крикнуть Рэйвен, но из горла вырвался лишь едва слышный писк.

Элиас пробивался сквозь толпу, и односельчане испуганно шарахались от него в стороны. Его лицо покраснелось, жилы на шее вздулись от ярости. Он рвался к помосту, к старейшине, который поспешно отступил назад, практически прячась за спины сыновей. Трое крупных мужчин, работавших в кузнице, бросились ему наперерез. Рэйвен в ужасе смотрела, как они втроем тяжело навалились на отца. Элиас тут же швырнул одного в грязь, но двое других успели перехватить его за плечи, резко толкая вперед и заламывая руки. Механик глухо ухнул, колени его подогнулись, но он не упал.

— Не трогайте его! — вскрикнула она, когда увидела, как его правая рука — покалеченная, без двух пальцев, за которые он когда-то выкупил ее слух, — отчаянно протянулась к ней сквозь частокол чужих тел.

— Рэйвен... — захрипел отец, и в его глазах, всегда таких спокойных и строгих, девушка впервые в жизни увидела абсолютную беспомощность. — Не отдам...

Его глухие проклятия смешались с шарканьем сотен сапог. Люди сторонились их, пятились назад, освобождая широкий круг, словно одно присутствие избранных могло притянуть к ним внимание Всадников. На Рэйвен больше никто не смотрел.

— Не надо, — прохрипел Файлан, и она услышала, как в его груди свистит и клокочет воздух при каждом выдохе. — Не смотри туда. Нам надо идти.

Она медленно обернулась. Все происходящее вокруг казалось кошмарным сном. Файлан едва держался на ногах, его лицо из-за багровой гематомы казалось чужим, но единственный здоровый глаз смотрел на нее с какой-то отчаянной, серьезной решимостью. Рядом с ним его отец медленно опустился на колени у обмякшего тела Агнес. Он не кричал, не пытался

драться, как Элиас. Он просто закрыл лицо крупными ладонями, и сквозь его испачканные в муке пальцы, беззвучно потекли слезы.

Старейшина на помосте тем временем торопливо прятал свернутый свиток в кожаный тубус. Те, чьи имена назвали в начале, уже стояли, выстроившись в ряд, у края помоста. Кто-то плакал, утирая рукавом слезы, но большинство просто стояли, опустив руки и пытаясь осознать случившееся. Файлан медленно направился к ним, с трудом волоча ноги и утягивая Рэйвен за собой. Рейнар в это время уже медленно спускался по деревянным ступеням.

Поравнявшись с Рэйвен, он на секунду задержался. Скользнул равнодушным взглядом по висящей плетью руке Файлана, затем повернулся к девушке, у которой в правом ухе медленно нарастал тонкий, пронзительный свист, который она слышала лишь один раз в году.

— Надеюсь, ты довольна всем, — сладко пропел он, наклонившись так, чтобы его слова услышали только они вдвоем. — Будешь теперь прислуживать бессмертным, пока не сдохнешь в канаве. И женишок твой с тобой за компанию в могилу отправится, паршивая шлюха!

Он плюнул прямо под ноги Файлану и, не дожидаясь ответа, зашагал прочь. Рэйвен дернулась вслед за ним, готовая зубами вцепиться ему в горло, но Файлан дернул ее назад с такой силой, что сам покачнулся и едва не упал.

— Будь ты проклят, — прошипела она ему вслед. — Ты и весь твой паршивый род.

— Пожалуйста... Рэйвен, не надо, — выдавил сквозь зубы побледневший Файлан. Он дышал с большим трудом и каждое движение явно причиняло ему невыносимую боль. Это мгновенно отрезвило ее. — Все уже. Пошли.

В это же мгновение туман, клубившийся над площадью, резко стал обжигающе холодным. Налетевший со стороны вересковой пустоши ветер принес с собой резкий запах дождя и застоявшейся болотной воды. Далекие огоньки на холмах, еще вчера вечером казавшиеся смутным маревом, вдруг вспыхнули совсем близко — среди покосившихся деревенских построек. Где-то на окраине захлебнулись истошным лаем собаки, но почти сразу умолкли, будто испугавшись чего-то. Или *кого-то*.

Из серой мглы, выползающей на площадь, бесшумно выросли первые размытые силуэты. Всадники Бессмертного двора пришли за своей данью.

Народ холмов. Двор Благой или Неблагой — для смертных здесь, на границе, разницы не было. Всадники мало походили на людей. Они ехали на конях, чья шерсть отливала маслянистым черным глянцем, а вместо копыт у тварей были длинные, покрытые мхом наросты, которые бесшумно ступали по грязи, оставляя за собой дорожки мгновенно замерзающей воды. Лошади не дышали, из их пастей не шло пара, а лишенные зрачков глаза светились тусклым светом.

Этих созданий называли келпи. Рэйвен была наслышана о них. Раз в несколько лет келпи объявлялись в местных водоемах и утаскивали на дно детей, игравших у самой кромки воды, или зазевавшихся взрослых, которым хватило ума купаться ночью при полной луне.

Всадников было трое. Высокие, неестественно тонкие, с непропорционально длинными конечностями. Их доспехи казались частью их собственных тел — чешуйчатый металл, который слегка шевелился, подстраиваясь под их движения. У того, что ехал первым, лица не было видно вовсе; его закрывала гладкая маска из белой кости с узкими, раскосыми щелями для глаз. Два других всадника держали шлемы на луках седел, и от их вида у Рэйвен перехватило дыхание.

Бледная кожа напоминала сырой гипс, сквозь который отчетливо просвечивали тонкие фиолетовые нити вен. Слишком широкие, безгубые рты были полны мелких, острых, как у щуки, зубов. Уши, как и у любого фейри, были длинными и заостренными, немного прижатыми к черепу. Черные глаза существ напоминали бездонные колодца. Такие, в которых свет, едва попав, мгновенное исчезал в густой и крошечной темноте.

Существа окинули взглядом толпу, и в этих взглядах не было никаких эмоций. Вся площадь — сотни людей, сам старейшина и его сыновья — в одно мгновение молча опустили на колени. Словно на плечи каждому опустилась невидимая каменная глыба. На ногах остались стоять только те восемь несчастных, чьи имена назвали ранее, и Рэйвен, которую Файлан из всех сил пытался утянуть за собой вниз, на колени. Она несколько мгновений стояла, будто громом пораженная, а затем все-таки рухнула рядом с ним, больно ударившись о камни. Но она даже не обратила на боль внимания, взгляд ее был прикован к трем существам, приехавших верхом на древних болотных чудовищах.

Воздух вокруг стал настолько холодным, что при каждом вдохе легкие словно царапало изнутри мелкой ледяной крошкой. У самого помоста, где стояли первые восемь избранных, вдруг раздался громкий плач. Рэйвен вздрогнула от этого звука, полного такого отчаяния и ужаса, что по спине у нее пробежал холодок. Плач принадлежал Грете, дочери мельника, которую называли одной из первых. Девушка обернулась к коленоприклонному старейшине и закричала:

— Грязный лжец! Мой отец тебе платил! — ее голос пронесся над притихшими односельчанами как гром среди ясного неба. — Слышишь, старик? Он отдавал тебе больше зерна, чем требовалось! За что?

Ее попытался заткнуть стоящий рядом мужчина, которого Рэйвен тоже хорошо знала. Это был Хью, самый талантливый музыкант во всем селении. Не было того, кто умел играть на флейте лучшего него. Интересно, чем он пригодится Бессмертному народу? Хью схватил Грету за плечи, но она рванулась вперед, прямо к копытам черного келпи, падая лицом в грязь.

— Молю вас! Пощадите!

Один из всадников, тот, на котором не было шлема, даже не повернул головы в ее сторону. Он лишь слегка шевельнул длинными пальцами. Келпи под ним издал короткий, глухой звук, похожий на треск ломающегося льда. Вода в луже вокруг упавшей Греты мгновенно превратилась в заберег, схватив подол ее юбки. Девушка взвизгнула, быстро отползая назад, и среди обреченных воцарилась тишина. Фейри ясно дал понять: торго не будет.

Рэйвен перевела взгляд на отца. Элиас все так же лежал на земле под тяжестью троих мужчин, но больше не пытался вырваться. Он просто смотрел на нее, неотрывно, отчаянно, обреченно. В его глазах была жуткая, неестественная пустота, как у человека, у которого отняли последний смысл жизни, оставив лишь стареющее тело. Его покалеченная рука медленно опустилась в грязь, ладонью вверх. Рэйвен тяжело сглотнула подкатывающий к горлу комок. Она не имела права плакать. Не имела права делать все еще более невыносимым.

— Пап... — одними губами шепнула она, часто моргая, чтобы не разрыдаться. — Я тебя люблю.

Файлан, по-прежнему сжимавший рукой ее плечо, тоже смотрел на оставшихся позади родителей. Агнес беззвучно рыдала, уткнувшись лицом в плечо мужа. Никто из них ничего не мог сделать. Не мог вырвать детей из лап неминуемой и мучительной гибели на службе у Бессмертного двора. Таков был Договор.

— Рэйвен, — пробормотал Файлан, повернув голову к ней. — Помоги мне встать. Мы должны подойти к остальным, пока нас не потащили волоком.

Помогая друг другу, они медленно поднялись и поплелись к помосту. Рэйвен до хруста стиснула зубы, буквально таща Файлана на себе. Она вдруг поняла, что его тело горит огнем, и от этого ее вновь накрыл парализующий ужас. Началась лихорадка, которой они все так опасались. Судорожно вздохнув, она продолжила переставлять ноги, стараясь не думать о том, что за время пути к границе Файлану может стать в разы хуже. Всадник в костяной маске медленно поднял руку. Длинный, тонкий указательный палец замер в воздухе, указывая куда-то в сторону холмов, откуда все трое пришли. В ту же секунду туман вокруг них сгустился, отсекая площадь, ратушу и всех остальных.

Рэйвен стиснула здоровую руку Файлана. Свист в слуховом аппарате превратился в едва уловимый гул, но рука парня возвращала ей остатки воли. Он все еще был рядом, а значит, они со всем справятся. Вместе, только вместе.

Сделав еще шаг вперед, они пристроились к хвосту замолчавшей, сломленной шеренги избранных, уходящих вслед за всадниками вглубь вересковой пустоши.

Всю свою жизнь Рэйвен привыкла иметь дело с понятными вещами. Если механизм барахлил, этому всегда существовала логичная и чаще всего вполне решаемая причина. Металл не умел лгать или притворяться. Его можно было разобрать, зачистить наждачной бумагой, заменить деталь — и он снова оживал, послушный и предсказуемый.

Сейчас, посреди бесконечной вересковой пустоши, Рэйвен впервые столкнулась с тем, перед чем ее навыки были абсолютно бесполезны. Механизм внутри Файлана ломался, и у нее не было ни одного инструмента, чтобы это исправить.

Холодный осенний дождь начался незаметно. Сначала туман просто стал тяжелым и колючим, а затем превратился в плотную стену серой водяной взвеси. Дорога, едва заметная среди лиловых кустов вереска, быстро превратилась в скользкое месиво из глины и гниющих листьев.

Файлан держался из последних сил. Он шел, тяжело навалившись на ее левое плечо, и Рэйвен уже перестала чувствовать собственную руку, так сильно она затекла от его веса. С каждым часом парень становился все тяжелее. Его сапоги то и дело цеплялись за корни, он оступался, и тогда они оба едва не падали в грязь.

— Еще немного, Файлан, — шептала Рэйвен, хотя сама с трудом верила в свои слова. Голос тонул в ровном шуме ливня. — Слышишь меня? Просто переставляй ноги. Пожалуйста.

Парень что-то бессвязно пробормотал в ответ. Его дыхание стало свистящим, хриплым, а кожа, когда Рэйвен касалась его шеи, обжигала ладонь, даже несмотря на капли дождя, скапывающиеся за ворот его рубашки. Лихорадка, о которой предупреждал старый Томас, разгоралась с пугающей скоростью.

Всадники Бессмертного двора ехали впереди и позади шеренги. Они не оборачивались, не подгоняли людей окриками или плетью, но их келпи ступали по грязи с такой монотонной, пугающей скоростью, что смертным приходилось идти на самом пределе своих физических возможностей. Тварь под предводителем в костяной маске шла беззвучно, и широкая полоса ледяной корки, замерзавшая за ней, медленно таяла под каплями дождя.

Для Рэйвен этот поход превратился в отдельный круг ада еще и потому, что ее слуховой аппарат начал безбожно коротить. Сырость вперемешку с тяжелой магией фейри, витавшей вокруг них, сводила чувствительную железку с ума. Звуки то пропадали вовсе, погружая ее правое ухо в пугающую тишину, то возвращались с резким, болезненным скрежетом, от которого голову пронзала тупая боль. Рэйвен с трудом натянула одной рукой куртку на голову, чтобы отгородиться от дождя, и стиснула зубы. Хотелось сдернуть аппарат с уха, но она панически боялась пропустить момент, когда Файлан окончательно потеряет сознание или, чего хуже, перестанет дышать.

Она старалась не думать о том, что это может случиться. Из всех сил старалась не думать. Одна лишь мысль о его смерти приносила невыносимую боль. Уже не говоря о том, что эта смерть будет исключительно на ее совести.

Файлан пострадал из-за нее. Его избили из-за нее. Его отправили в список Десятины из-за нее. Все из-за ее глупости и неспособности держать себя в руках. Она могла спасти их обоих, если бы стерпела намеки Рейнара! Ведь могла же просто проигнорировать его, попросить по-доброму не лезть к ним, в крайнем случае — ответить на его ухаживания, чтобы не поставить близких под удар.

Но она оказалась достаточно глупа, чтобы не выбрать ни один из безопасных вариантов. И теперь расплачиваться за это придется Файлану. Никогда прежде Рэйвен не ощущала такой ослепляющей ненависти к самой себе.

К исходу дня вересковые холмы наконец расступились, и шеренга обреченных углубилась в подножие угрюмого леса. Деревья здесь были огромными, их перекрученные черные стволы походили на застывших в агонии великанов, а длинные пряди серого мха свисали с ветвей, словно саваны. В наступающих сумерках этот мох начинал едва заметно мерцать.

И именно тогда разразилась гроза.

Небо, и без того свинцовое, окончательно рухнуло вниз шквальным дождем. Первое же штормовое облако принесло с собой нечеловеческой силы грохот. Гром ударил так резко и оглушительно, что земля под ногами ощутимо вздрогнула. Вспышки молний раз за разом озаряли небеса рваными зигзагами. Они выхватывали из темноты испуганные, мокрые лица пленников и безразличные костяные маски всадников.

Существо, ехавшее впереди, подняло руку. Всадники остановились у подножия раскидистого старого тиса, чья крона частично защищала от дождя. Фейри не позаботились о людях, не стали разводить костер или с помощью магии защищать их от дождя. Три всадника просто застыли на своих келпи по периметру поляны, превратившись в безмолвных, неподвижных стражей.

Люди были представлены сами себе.

Как только конвой замер, Файлан просто выскользнул из-под руки Рэйвен. Его колени подкосились, и он глухо рухнул на землю у самых корней дерева.

— Файлан! — Рэйвен упала рядом с ним на колени.

Ее руки затрепетали над его телом. Она попыталась приподнять его голову, стирая дождевую воду с разбитого, превратившегося в сплошной черно-синий кровоподтек лица. Парень прерывисто, мелко дышал, его зубы стучали от дикого озноба, а губы покрылись сухой корочкой. Здоровая рука судорожно скребла мокрую землю.

— Холодно... мне холодно... — едва слышно пробормотал он в бреду, не открывая глаз.

— Потерпи, милый, пожалуйста, потерпи, — у Рэйвен перехватило дыхание от отчаяния. Она готова была ползать на коленях у всадников, умоляя магией помочь возлюбленному, но сомневалась, что те обратят на нее хоть какое-то внимание.

Слезы, смешиваясь с дождевой водой, текли по ее щекам. Она попыталась накрыть его своей курткой, прижала его голову к своей груди, пытаясь поделиться теплом, но понимала, что этого было ничтожно мало. Файлан горел изнутри. Его отбитые ребра и воспаленная рука медленно убивали его.

«Он не доживет до утра, — с парализующим ужасом подумала она, глядя на то, как дрожат его ресницы. — Он просто умрет здесь и они оставят его тело на съедение волкам».

В этот момент небо вновь озарила вспышка молнии, и она заметила, как от группы остальных пленников, сгрудившихся под навесом скалы, отделился силуэт. Высокий мужчина средних лет в промокшем шерстяном плаще уверенно направлялся к ним. В руке он сжимал плотную кожаную сумку с медными застежками — вещь, которую в их краях нельзя было спутать ни с чем другим. Это была походная аптечка.

Мужчина решительно опустился на корточки с другой стороны от Файлана. У него было бледное, осунувшееся от усталости лицо и очень спокойные, внимательные серые глаза.

— Подвинься, девочка, — негромко произнес он. — Дай мне посмотреть.

— Вы... вы лекарь? — Рэйвен отпрянула, вцепившись в рукав его плаща как в спасительную соломинку. Ей было стыдно, но она не могла вспомнить его лица. — Пожалуйста, помогите ему. Пожалуйста... Его избили ночью. Рука сломана, и кажется, внутри что-то повреждено.

— Меня зовут Оуэн, — мужчина расстегнул ремень своей сумки. От нее остро, до боли знакомо пахло сушеной ромашкой, спиртом и горькими мазями, совсем как в лавке старого Томаса. — Повезло вам, что старейшины разрешили мне взять инструменты.

Оуэн аккуратным, но невероятно точным движением разрезал остатки рукава Файлана. Парень в бреду слабо застонал. Лекарь осторожно прощупал лубок, наложенный Томасом, а затем прижал ладонь к его грудной клетке, чуть пониже ребер. Файлан резко дернулся и со свистом втянул воздух сквозь зубы.

— Кость вправили на совесть, тут придраться не к чему, — хмуро констатировал Оуэн, быстро перебирая стеклянные флаконы в сумке. — Но ребра сильно отбиты, внутри скапливается жидкость, отсюда и хрипы. А из-за марша под дождем воспаление переросло в тяжелую лихорадку. Если не сбить жар сейчас, к рассвету его сердце не выдержит нагрузки.

Рэйвен почувствовала, как мир вокруг нее покачнулся.

— Что нужно сделать? Я помогу. Я могу держать, могу...

— Придержи его голову, — Оуэн достал маленькую фаянсовую баночку и чистую тряпицу. — Нужно приподнять его, чтобы не захлебнулся.

Рэйвен тут же скользнула ладонью под затылок Файлана, бережно приподнимая его. Лекарь ловко откупорил флакон со спиртом, плеснул на чистую тряпку и принялся быстро обтирать шею, виски и грудь парня, сбивая внешний жар. Затем он достал из бумажного пакета щепотку сероватого порошка.

— Это вытяжка из коры белой ивы и горного корня. Горечь страшная, но жар снимает за полчаса. Разожми ему челюсти. Только аккуратно.

Рэйвен, у которой пальцы дрожали от напряжения, осторожно нажала на уголки рта Файлана. Парень сопротивлялся, его челюсти были словно сведены судорогой, но Оуэн точным движением всыпал порошок прямо ему на язык и следом влил несколько капель воды из своей фляги.

Файлан закашлял, захрипел, но лекарь мягко зажал ему рот, заставляя сглотнуть лекарство.

— Вот так. Хорошо, — Оуэн выдохнул и принялся доставать длинный серый бинт, чтобы плотнее зафиксировать сломанное предплечье к телу, уберегая от тряски. — Теперь нужно перевязать, чтобы при ходьбе ребра не гуляли. Помогите мне приподнять его.

Рэйвен действовала механически, беспрекословно подчиняясь командам лекаря. Она обхватила парня за пояс, приподнимая его обмякшее, горячее тело, пока Оуэн быстрыми, тугими витками стягивал его грудную клетку бинтами.

Вспышка молнии на секунду озарила их троих, и Рэйвен невольно подняла глаза на Оуэна. В его лице не было страха перед всадниками, только сосредоточенность человека, который знал свою работу. В этот момент что-то внутри нее сдвинулось. Она вдруг осознала, что в этой безликой, сломленной шеренге избранных они больше не были одиноки. У каждого из них была своя ценность. Оуэн спасал жизни. Она умела чинить то, что казалось безнадежно испорченным.

Когда с перевязкой было покончено, Файлан дышал уже чуть ровнее. Его судорожный озноб начал постепенно утихать, а на лбу выступила крупная, холодная испарина: знак того, что лекарство начало действовать.

— Спасибо... — прошептала Рэйвен, бережно опуская голову парня обратно на свои колени. — Я не знаю, как вас благодарить.

Оуэн устало улыбнулся, вытирая руки и закрывая аптечку. Медные застёжки на его сумке тихо звякнули.

— Не за что, девочка. Мы все в одной лодке. Если мы не будем помогать друг другу, этот Двор сожрет нас поодиночке еще до того, как мы дойдем до дворца. Караул у них крепкий,

но они не смотрят на нас как на людей. Для них мы — просто рабочий скот, который должен дойти до места назначения в целости. Вот и все.

Он поднялся, накинул капюшон плаща и, бросив короткий взгляд на застывшего невдалеке всадника, тихо добавил:

— Следи за его дыханием. Если к утру жар не спадет, дай мне знать. Постарайся поспать тоже, если сможешь. Завтра путь будет еще тяжелее.

Лекарь растворился в темноте и шуме дождя, оставив Рэйвен наедине с Файланом. Гроза над лесом продолжала бушевать, молнии раскалывали небо на части, но гул в ее слуховом аппарате наконец-то утих, сменившись ровным, тихим сопением идущего на поправку парня.

Рэйвен уперлась спиной о влажный ствол дерева, крепко обняв Файлана одной рукой и уткнувшись носом в его волосы. Они выживут, обязательно выживут. Она сделает для этого все возможное.

Час тянулся за часом, пока безумное зарево в небесах наконец не сменилось глухим, ровным рокотом уходящей грозы. Неумолимый ливень превратился в ленивую, редкую капель, тяжело падавшую с раскидистых ветвей тиса на мокрую землю.

Рэйвен не смыкала глаз. Она чутко вслушивалась в каждый вдох Файлана, боясь, что спасительное действие порошка Оуэна прекратится. Но чудо произошло — кожа парня под ее ладонью постепенно остывала, дышать ему стало заметно легче, а судорожная дрожь уступила место глубокому, спокойному сну.

Глубоко в ночи, когда она слегка задремала, Файлан вдруг шевельнулся. Из его груди вырвался тихий, прерывистый стон, и он медленно, с трудом открыл свой единственный здоровый глаз. В темноте леса, едва разбавленной тусклым свечением мха, его взгляд долго блуждал по кроне дерева, пока наконец не остановился на лице Рэйвен.

— Рэйвен... — его голос был сухим и едва слышным.

— Я здесь, я тут, — она мгновенно подалась вперед, бережно ловя его здоровую ладонь и прижимая к своей щеке. — Не шевелись, пожалуйста. Лекарь Оуэн перевязал тебе ребра и зафиксировал руку. Тебе нельзя двигаться.

Файлан слабо, едва заметно улыбнулся разбитыми губами, но взгляд его оставался тусклым и пугающе серьезным. Лекарство сбило жар, вернув ему ясность мысли, а вместе с ней и полное осознание того, где они находились. Он перевел взгляд в сторону, где у самой кромки поляны, подобно черным каменным изваяниям, все так же неподвижно застыли всадники.

— Они не повернут назад, верно? — тихо спросил он, и в его груди снова что-то хрипло свистнуло. — Мы действительно... уходим.

Рэйвен сглотнула горький комок, подступивший к горлу, и лишь крепче сжала его холодные пальцы. Ей хотелось солгать, подбодрить его, сказать, что отец что-нибудь придумает, но они оба знали правду. Обратной дороги из вересковых пустошей не существовало.

Файлан помолчал, собираясь с силами, а затем медленно, преодолевая боль, повернул голову к ней.

— Рэйвен, послушай меня, — в его сиплом голосе звенящей струной натянулась тяжелая, взрослая решимость. — Мы должны поговорить. Прямо сейчас, пока у меня есть силы. Нам нужно... попрощаться. На всякий случай.

— Нет! Даже не думай об этом! — зло перебила она его, чувствуя, как глаза снова начинают обжигать слезами. — Оуэн сказал, что ты поправишься! Жар спал, кость срастется, ты...

— Я не про смерть, глупенькая, — мягко, но настойчиво перебил он ее, и его пальцы слабо ответили на ее рукопожатие. — Посмотри на меня. Я едва волочу ноги. Рука сломана, ребра отбиты. Нас везут ко Двору как рабочую силу. Как думаешь, что они делают с теми, как работать не может? С теми, кто обуза?

Рэйвен замерла, и ее сердце пропустило удар. Об этом она боялась думать больше всего.

— Старейшины говорили, что Двор забирает мастеров, — продолжал Файлан, и его единственный глаз лихорадочно блестел в полумраке. — Ты — первоклассный механик, Рэйвен. Ты им нужна. Твои руки, твой ум — они оценят это. А я... я просто пекарь, который сейчас даже мешок муки поднять не сможет. Нас разделят, как только мы придем. Или... или они просто избавятся от меня по дороге. Поэтому мы должны быть готовы. Я хочу, чтобы ты пообещала мне: если меня заберут или оставят, ты не станешь делать глупостей. Ты будешь жить. Будешь чинить их проклятые мельницы, но останешься живой. Обещай мне.

Этот разговор ломал ее изнутри, крошил безжалостно и неумолимо, не оставляя ничего за собой. Рэйвен сердито тряхнула головой, и горячие слезы брызнули у нее из глаз, падая на его куртку.

— Не смей так говорить! — прошептала она, и ее голос задрожал от ярости и боли. — Не смей сдаваться! Я люблю тебя. Слышишь? Люблю! И я ни за что, никогда не отдам тебя этим тварям. Если они попытаются забрать тебя, я... я найду способ стать им полезной за нас двоих. Починю все, что они прикажут, заставлю их нуждаться во мне, считаться со мной. Но ты будешь рядом. И мы пройдем через это вместе.

Файлан смотрел на нее с такой щемящей нежностью, что у Рэйвен перехватило дыхание. Он медленно просунул здоровую руку под воротник своей промокшей рубахи и потянул за прочную кожаную веревку.

С тихим металлическим звуком наружу показалась маленькая, потемневшая от времени деталь. Это было небольшое латунное зубчатое колесико от старых часов, которое восьмилетняя Рэйвен когда-то лично обточила, сгладив острые края, и неумело выбила на нем их инициалы. Она подарила ее Файлану, когда ему исполнилось десять лет, в знак благодарности за то, что заступился за нее, когда двое соседских мальчишек зажали ее в переулке и попытались снять с нее слуховой аппарат. Они всегда дразнили ее, обзывали глухой, но тогда он встал между ними и заставил всех замолчать.

Он носил эту железку на шее двенадцать лет. Не снимая. Она давно уже стала частью его самого.

— Помнишь? — тихо спросил он, перебирая пальцами латунные зубья. — Ты тогда сказала, что пока эта шестеренка крутится, мы всегда будем заодно. Она все еще крутится, Рэйвен. И что бы ни случилось там, за холмами... никто не сможет ее у меня отнять. Потому что я тоже люблю тебя.

Рэйвен прижалась лбом к его здоровому плечу, давая волю беззвучным, горьким слезам. На этот раз это были не слезы бессилия — в ее груди, прямо под ребрами, расправляла плечи та самая глухая, опаляющая ярость, которая помогала справляться с самым непокорным железом. Они могли быть смертными, могли быть рабочим скотом в глазах Бессмертного двора, но у них было то, чего у фейри, с их фарфоровой кожей и бездонными глазами, никогда не водилось.

Она осторожно, стараясь не задеть перевязанные ребра, обняла Файлана, утыкаясь носом в его шею. Парень прижал ее к себе здоровой рукой, перебирая пальцами ее светлые, мокрые от дождя волосы. Больше они не произнесли ни слова. Слова были не нужны.

Они сидели в обнимку посреди чужого, светящегося мертвым светом леса, укрытые тяжелой кроной тиса. Вокруг тихо и мерно шелестел утихающий дождь, капли стучали по листьям. В этой звенящей ночной тишине, на самой границе двух миров, они просто сидели и вместе ждали рассвета, который должен был принести с собой новую, пугающую и неизведанную жизнь.

Глава 4

Однако заря не принесла ничего, кроме тяжелого ощущения приближающейся беды. Небо над вересковыми пустошами не посветлело, а лишь налилось цветом сырого олова. Плотный, пахнувший болотной ржавчиной туман пригнал с востока мелкую морось, которая мгновенно пропитывала куртки и плащи, делая их тяжелыми и ледяными.

Рэйвен проснулась от того, что у нее окончательно затекли и замерзли ноги. Желудок сжался в голодный, тугой узел, а во рту разлился неприятный привкус меди — верный признак того, что страх никуда не ушел, а просто затаился глубоко внутри, терпеливо ожидая своего часа.

Файлан спал, уткнувшись лбом в ее плечо. Его дыхание хоть и оставалось хриплым, больше не напоминало свист порванных кузнечных мехов. Порошок Оуэна сработал: жар отступил, оставив парня опустошенным и бледным.

Долго сидеть им не дали. Конвойный келпи у края поляны издал короткий звук; не ржание, а утробный, сухой треск, от которого по хребту побежали мурашки. Всадник в костяной маске шевельнул поводьями, и шеренга обреченных, шлепая сапогами по жидкой глине, потащилась дальше. Рэйвен помогла Файлану подняться. Парень глухо зарычал от боли, когда потревоженные ребра отозвались на движение, но упрямо переставил одну ногу, затем вторую.

Они шли около двух часов, пока лес не кончился, уступив место каменистому плато, изрезанному глубокими расселинами. Здесь туман стоял такой густой, что Рэйвен едва видела спину идущего впереди Хью. Музыкант шел, опустив голову, его знаменитая флейта, засунутая за пояс, сиротливо мокла под мелким дождем.

— Почти пришли, — пробормотал Оуэн, поравнявшись с ними. Его плащ потемнел от влаги, а из-под капюшона капало прямо на небритые щеки. — Граница уже близко.

Рэйвен прищурилась, пытаясь разглядеть хоть что-то, но впереди была лишь серая пелена. Она знала о Границе из старых рассказов отца. Договор, заключенный сотни лет назад, не был просто бумагой с печатями. Он намертво сшил два мира железными стяжками. Смертные не могли просто пройти сквозь рубеж по своей воле — магия Двора просто выжгла бы любому смельчаку разум и превратила бы кости в труху. Пройти могли только те, чьи имена старейшины вписали в свиток Десятины. Договор безошибочно узнавал свою дань.

Когда они ступили на невидимую черту, Рэйвен показалось, что она на полном ходу врезалась в невидимую стену из густой, ледяной ртути.

Воздух в одно мгновение стал неподъемно тяжелым. Легкие обожгло таким холодом, будто она глотнула ключевой воды. Слуховой аппарат вдруг отозвался диким, яростным скрежетом — магия Границы буквально вгрызлась в железо, будто пыталась его пережевать. Из левой ноздри Рэйвен потекло что-то горячее. Она мазнула пальцами по губе и увидела густую, темную кровь.

Рядом охнул Файлан. Его колени подкосились, и если бы Рэйвен не перехватила его поперек груди, он рухнул бы лицом на острые камни. Парень задыхался, его глаза закатились, а пальцы судорожно вцепились в латунное колесико на шее, словно это крошечное человеческое изобретение могло защитить его от древнего колдовства фейри. Избранные вокруг выли и стояли. Грету, дочь мельника, рвало прямо под ноги одного из конвойных келпи, но тварь даже не повела ухом.

Переход длился всего несколько секунд, но Рэйвен показалось, что из нее заживо выдернули душу. А затем все резко прекратилось. Давление спало, скрежет в ухе сменился унылым писком, и туман впереди наконец рассеялся.

Перед ними выросла Башня Костей.

Никаких изящных замков из старых баллад, которые пели бродячие артисты в тавернах. Пограничная цитадель фейри выглядела как уродливый, приземистый нарост из черного, сочащегося склизкой влагой камня. Свое название она получила из-за частокола, окружавшего глубокий ров: тысячи пожелтевших, расколотых черепов — как человеческих, так и звериных — были насажены на железные пики, образуя сплошную стену.

Здесь пахло мокрой шерстью, кислым пивом, нечистотами и застарелым, въевшимся в камни страхом.

Во дворе цитадели уже толпились люди. Сюда, в этот сортировочный пункт, сгоняли Десятину из других округов. Сотни грязных, изнуренных смертных сидели прямо в навозном месиве, прижавшись друг к другу, словно скот перед бойней. Вокруг них прохаживались стражники.

Рэйвен с удивлением и отвращением поняла, что эти существа мало походили на тех трех величественных и жутких всадников, что вели их через пустошь. Это были низшие фейри. Сутулые, коренастые, с серой, шелушащейся кожей и непропорционально большими, тяжелыми челюстями. На них были грубые куртки из дубленой кожи и ржавые кольчуги. Они переговаривались на своем лающем, щелкающем языке и безжалостно пинали каждого, кто пытался подняться или молить о воде.

Их шеренгу загнали под навес у восточной стены. Конвойные всадники, выполнив работу, просто развернули коней и уехали обратно в туман, даже не взглянув на тех, кого доставили.

Вместо них из массивных дубовых дверей башни вышел тот, кто здесь заправлял.

Фейри по имени Борс был ширококостным, с плоским, словно приплюснутым лицом и мутными зелеными глазами. Его левое ухо было порвано, а из-под верхней губы торчал кривой желтый клык. В руках он держал толстый гроссбух в переплете из кожи и тяжелое чернильное перо. Следом за ним вышли двое стражников с короткими железными дубинками.

— В ряд! Быстрее, пошевеливайтесь! — рявкнул Борс. Общий язык он коверкал, но говорил вполне понятно. — Лицом к стене! Где бумаги из округов?!

Пока пленные, еле переставляя ноги, выстраивались у стены, Борс прохаживался туда-сюда. Он бесцеремонно хватал людей за подбородки, заставляя открывать рты, и проверял зубы, точно у лошадей. Осматривал их, выискивая увечья или раны, и у Рэйвен все внутри сжалось от страха. Совсем скоро он приблизится к ним и увидит Файлана.

— Хью, музыкант? — Борс заглянул в свиток, затем окинул взглядом флейтиста. Схватил его за пальцы и грубо согнул их. — Пальцы целы. Пойдешь в услужение младшим лордам Неблаготного двора. Грета, дочь мельника. Крепкая кобылка. Будешь таскать котлы на кухне.

Фейри делал пометки в своем гроссбухе с пугающим, почти рутинным равнодушием. Ему не было дела до плача и мольб, которые сыпались на него со всех сторон. Для него никто из них не был существом, способным чувствовать боль или страх. Они были партией свежей дичи, которую было нужно пересчитать и распределить по складам.

Наконец, тяжелые сапоги надзирателя остановились напротив Файлана.

Файлан стоял, тяжело привалившись к плечу Рэйвен, его лицо к этому моменту приобрело землистый оттенок. Лубок на руке и тугие грязные бинты на груди сразу бросились фейри в глаза. Борс прищурился, и его зеленые глаза нехорошо блеснули.

— Это еще что за падаль? — надзиратель ткнул пером прямо в сломанное предплечье Файлана. Тот поморщился, мгновенно побледнев от острой вспышки боли. — Файлан Уэллс. Пекарь.

Борс прочитал запись в документе старейшины и презрительно сплюнул прямо им под ноги.

— Однорукий пекарь? Мне тут не нужны калеки, которые переведут всю лагерную похлебку! В нижние копи. Пусть ковыряет породу здоровой рукой, пока не сдохнет.

У Рэйвен перед глазами потемнело. Копи. Всего четыре буквы были в этом страшном слове, которое было равносильно смерти. Об этом месте в их краях ходили самые страшные слухи. Оттуда никто и никогда не возвращался — смертные слепли от ядовитых испарений и за пару месяцев заживо гнили под завалами черного сланца.

Двое серолицых стражников с руками, покрытыми острыми шипами, шагнули вперед, намереваясь подхватить Файлана под мышки. Рэйвен не думала. Времени на страх не осталось. Она сделала широкий шаг вперед, преграждая дорогу стражникам и заслоняя Файлана собой.

— Стойте! — крикнула она, глядя прямо в зеленые глаза Борса. Во рту пересохло, голос надломился. — Вы совершаете ошибку. Он не бесполезен! Оставьте его со мной. Меня зовут Рэйвен Арджент, я механик. Я умею чинить все, что сделано из железа, стали и меди. Я буду работать за двоих, буду выполнять любую норму, только оставьте его при мастерских! Он поправится, рука заживет...

Борс уткнулся в свиток, видимо, ища в списке ее имя. На мгновение вокруг повисла тяжелая тишина, нарушаемая лишь задущенными чужими всхлипами.

— Рэй-вен Ард-жэнт, — монотонно прочитал он, намеренно коверкая ее фамилию. — Механик. Железо, медь, гидравлика. Хорошо. Отправишься в столицу. В Стоках и Столбах вечно не хватает тех, кто готов ковыряться в дерьме и чинить трубы. Будешь поддерживать жизнь в нижних коллекторах и катакомбах, пока пальцы не сотрешь до костей.

— Пожалуйста! — Рэйвен сделала шаг к его столу, но стражник тут же выставил вперед древко копья, больно ударив ее в ключицу. — Отправьте его в Стоки со мной! Он будет таскать инструменты, он...

— Довольно! — Борс наконец поднял на нее глаза. В них не было ни злости, ни сострадания, лишь раздражение чиновника, которому надоел назойливый скот. — Договор забирает мастеров туда, где в них есть нужда. Нам плевать, с кем ты спала в своей деревне, девка. Калеку — в копи. Механика — в коллекторы столицы. Уведите их с глаз долой!

Один из стражников грубо рванул Файлана за шиворот. Парень вскрикнул, когда сложенная рука мотнулась плетью, и повалился в грязь. Второй конвоир схватил его за здоровое плечо и поволок по камням, как мешок с зерном.

— Рэйвен! — захлебываясь грязью и собственной кровью, что вновь текла из разбитых губ, закричал Файлан. В его глазах блеснули слезы. — Рэйвен!!

В этот момент внутри Рэйвен что-то окончательно разрушилось. Хваленая выдержка, рассудительность, умение мыслить логически — все выгорело дотла, оставив только слепую, животную истерику.

— Нет! Отпустите его! Отпустите, твари! — закричала она. — Не трогайте его!

Она рванулась вперед, наплевав на направленные на нее копья. Пальцы сами стали когтями: она успела вцепиться в лицо одного из стражников, оставив на его серой коже глубокие багровые борозды. Фейри громко зарычал, пока Рэйвен вырывалась с безумной, неестественной силой, пинаясь, кусаясь, пытаясь пробиться к возлюбленному. Мир вокруг сузился до его протянутой, покалеченной руки и крика, который тонул в общем гуле цитадели.

— Не смейте! Я убью вас! Убью! Отпустите его!

Она уже вырывалась из одной хватки, уже почти высвободилась, когда надзиратель Борс едва заметно кивнул конвоиру за ее спиной. Сзади бесшумно взметнулась тяжелая железная дубина.

Удар пришелся точно в затылок. Звук получился глухим и влажным, будто лопнула перезревшая тыква. В правом ухе Рэйвен в последний раз что-то взорвалось с ослепляющим, болезненным визгом. Картинка перед глазами — грязный двор Башни Костей, удаляющееся, искаженное ужасом, лицо Файлана, серый туман — все крутанулось и мгновенно выпало до абсолютной, непроглядной тьмы. Тело девушки обмякло и тяжело рухнуло к ногам стражи.

Последнее, что Рэйвен услышала перед тем, как темнота окончательно поглотила ее, было собственное имя, прорезавшее шум цитадели.

Телега накренилась с резким, скрежещущим звуком. Очередная глубокая рытвина, скрытая под слоем жидкой глины, заставила деревянную ось жалобно застонать. Рэйвен подбросило вверх, и она с глухим стуком упала обратно на оголенные доски, больно прикусив язык. В глаза плеснуло ослепительной болью, а рот тут же наполнился солоноватой теплой кровью.

Этот резкий толчок буквально вышвырнул ее из липкого бреда обратно в реальность.

Морось прекратилась, уступив место тяжелому, сырому воздуху. Повозка стояла. Сквозь прореху в тканевом навесе Рэйвен видела лишь кусочек серого неба и спины двух конвоиров, остановившихся на развилке дорог, чтобы перекурить.

Низшие фейри лениво жевали вяленое мясо, и до Рэйвен доносился их лающий говор. Ее слуховой аппарат сейчас работал странно — не свистел, но делал звуки какими-то неестественно близкими, словно стражники шептались у самого ее уха. Однако, даже несмотря на это, она мысленно поблагодарила богов, что удар дубинки не пришелся по нему.

— ...тридцать человек на площади, — прохрипел тот, что сидел слева, сплевывая себе под ноги. — И это только в первом квартале. Ее Величество не любит, когда рабы забывают свое место.

— Жалкие идиоты, — отозвался второй. Его голос был глубже и более хриплым. — Думали, если перебьют ночную стражу у ворот, то дворец уже их? Наивный человеческий скот.

Рэйвен замерла, боясь даже вздохнуть.

— Рассказывают, они даже не успели дойти до моста, — продолжал первый, лениво почесывая шею. — Она не стала тратить солдат. Просто приказала перекрыть все выходы и пустить горячий туман. Те, кто не задохнулся, выбежали прямо на площадь, где она их и ждала. Повесила каждого прямо на цепях центрального виадука.

— Она не дура, — буркнул второй стражник. — Бунт — это зараза. Если не выжечь сразу, поползет дальше. Теперь в Стоках тихо, как в могиле. Никто даже не дернется лишний раз.

— Еще бы. Особенно когда за спиной у нее стоит этот цепной пес. Попробуй скрыться от королевского Ищейки. Говорят, он нашел двоих зачинщиков аж у Черных болот. Притащил с мешками на головах, живых. Мегара скормила их своим комнатным тварям.

Рэйвен почувствовала, как по спине, несмотря на лихорадочный жар, прошел парализующий холодок. Таинственная королева, о которой она ничего не слышала, и ее Ищейка прочно засели в затуманенном болью разуме. Ее везли туда, где смертные рабы погибали десятками. Туда, где правил страх.

Картинка перед глазами вновь поплыла, голоса стражников превратились в далекий, неразборчивый гул, и Рэйвен со стоном соскользнула обратно в спасительное небытие.

Оставшийся путь до столицы превратился для девушки в бесконечный, липкий кошмар, сшитый из обрывков чужих стонов, тряски и удушливого запаха немых тел.

Удар дубиной оставил после себя не просто гематому. Голова раскалывалась так, будто внутрь черепа насыпали битого стекла, и при каждом толчке повозки это стекло безжалостно впивалось в нее изнутри. Правое ухо онемело и сочилось сукровицей, а до левого слабо доносились лишь приглушенные рыдания Греты и тяжелый хрип Хью.

Она постоянно проваливалась в беспамятство. Временами ей казалось, что она все еще дома в мастерской, а отец зовет ее обедать, но затем колесо телеги проваливалось в очередную яму, и Рэйвен возвращалась в сознание. В один из редких моментов просветления она вновь приоткрыла глаза. Одежом ей служила чья-то промокшая, пахнущая потом куртка. Над головой колыбался рваный навес. Слегка повернув голову, Рэйвен сквозь дыру в навесе увидела проплывающую мимо деревню.

Здесь не было привычных изб или аккуратных домиков. Жилища низших фейри походили на огромные, высохшие тыквы или коконы неизвестных тварей, слеplенные из грязи, речного ила или перекрученных ветвей. Вокруг них копошились существа — уродливые, с серой кожей и длинными руками. Маленькие дети фейри с острыми, как у щуки, зубами, с визгом гоняли по лужам какую-то бледную тварь, похожую на безглазую жабу. Никто из них не обратил на повозку со смертными рабами никакого внимания. Для них этот караул был обычным делом.

Рэйвен попыталась позвать Файлана, но из пересохшего горла вырвался лишь сухой, беззвучный кашель.

— Лежи, девочка, лежи, — чужая ладонь, холодная и сухая, коснулась ее лба. Это был Оуэн. Лекарь выглядел не лучше ее самой: под глазами залегли черные тени, губы потрескались от жажды. — У тебя кровь шла из уха весь день. Не дергайся.

— Фай... лан... — выдавила она, цепляясь пальцами за его рукав.

Оуэн лишь отвел взгляд и ничего не ответил. Рэйвен закрыла глаза, и все вновь растворилось в черноте, на этот раз надолго.

В следующий раз ее привело в чувство резкое изменение звука. Глухой стук деревянных колес по грязи сменился звонким, монотонным грохотом. Повозка ехала по каменной брусчатке. Рэйвен с трудом приподнялась на локте, преодолевая подступившую к горлу тошноту. Навес был откинут. Вокруг стоял гул, от которого закладывало уши.

Караван Десятины въезжал в столицу через Главные Врата.

У Рэйвен перехватило дыхание, и в груди шевельнулся первобытный, парализующий тело страх. Столица Неблагого двора — Этерем — была пугающе, неестественно красива и одновременно глубоко омерзительна.

Врата представляли собой две колоссальные башни из белого, полупрозрачного мрамора, который, казалось, светился изнутри собственным, лунным светом. Они уходили так высоко в темнеющее небо, что у Рэйвен закружилась голова, когда она попыталась рассмотреть их вершины. По стенам башен вились полосы ядовито-лилового плюща, чьи бутоны мерцали в наступающих сумерках.

Но стоило повозке миновать арку, как благородный мрамор сменила чудовищная реальность.

Город был построен слоями, как пирог, который оставили остывать в погребе, да так и забыли, и он покрылся плесенью. Верхние ярусы, принадлежавшие высшей знати Неблагого двора, парили на огромных каменных клыках над головами у всех остальных. Там высились шпили из горного хрусталя, тонкие, словно иглы, кованые мосты перекидывались между башнями, а в воздухе кружили странные, крылатые твари. Оттуда, сверху, доносился аромат изысканных благовоний, жареного мяса и звуки арф.

Но вся эта безупречная роскошь буквально стояла на гнили и костях нижних кварталов.

Снизу, где плелась их повозка, Этерем напоминал огромную, сочащуюся гноем язву. Белый мрамор здесь давно потемнел, покрылся черным жирным налетом и трещинами. Прямо из стен некогда прекрасных зданий торчали ржавые железные трубы, из которых в открытые сточные канавы хлестала мутная, зеленоватая жижа. Вонь стояла невыносимая — пахло тухлой рыбой, химикатами, застоявшейся мочой и какими-то приторно-сладкими травами.

Улицы были узкими, зажатыми между массивными, давящими стенами. Смертные рабы, изнуренные, с клеймами на разных частях тела, таскали на спинах огромные тюки, пока их подгоняли плетью надсмотрщики-фейри. Кое-где прямо в грязи, у стен, лежали тела тех, кто больше не мог работать. Над ними медленно кружили крупные, жирные птицы с острыми клювами, ожидая момента, когда надзиратели отвернутся, чтобы полакомиться сырой плотью.

Высшие фейри, изредка проезжавшие мимо на своих тонконогих, грациозных скакунах, кутались в шелка и бархат, прижимая к носам надушенные платки, чтобы не чувствовать вонь

нижнего города. Они смотрели на копошащихся внизу людей и низших фейри с таким же равнодушием, с каким человек смотрит на муравьев у своих ног.

— Приехали, смертные, — раздался грубый окрик конвойного.

Повозка резко затормозила перед массивной железной решеткой, уходящей глубоко в землю под основание одной из башен. Из темноты подземелья пахнуло сыростью, холодом и застарелой ржавчиной. Навстречу обозу уже выходили существа в кожаных фартуках, держащие в руках тяжелые факелы и связки железных ключей.

Рэйвен медленно опустила голову на доски повозки. Сердце в груди испуганно ударилось о ребра и тут же болезненно сжалось. Она прибыла в свой новый дом — в сточные канавы и коллекторы Этерема.

Глава 5

Ржавые борта телеги с грохотом откинулись, и Рэйвен, ухватившаяся за один из них, чтобы приподняться, едва не полетела наземь. Проглотив вскрик, она с трудом удержала равновесие и медленно села, тяжело дыша. Голова все еще сильно болела, но, по крайней мере, мир вокруг перестал бешено вращаться каждый раз, когда она поворачивала голову. Ее мучило. Из темноты подземелий доносился резкий запах сырости, застоявшейся болотной жижи и ржавого железа. Так пахла преисподняя Этерема.

Железная решетка вдруг медленно поползла вверх с тяжелым, утробным скрежетом. Казалось, перед ними разверзлась пасть огромного каменного чудовища, готовящегося их проглотить.

— Выметайтесь! — рявкнул один из надсмотрщиков, остановившись перед ней с зажженным факелом в руке. Копоть от пропитанной дегтем пакли летела прямо Рэйвен в лицо. — Живее, я сказал!

Рэйвен попыталась подняться, но левая нога, затекшая и замерзшая за долгие часы пути, вдруг подогнулась. На этот раз удержаться не получилось, и она плашмя рухнула на каменную брусчатку, больно ободрав ладони и локти. Голова тут же отозвалась тупой, пульсирующей болью.

Следом за ней из повозки вытряхнули и всех остальных. Грета вцепилась в край деревянного борта, судорожно рыдая и умоляя пощадить ее. Один из фейри с квадратной челюстью грубо перехватил ее за предплечье и швырнул на землю.

— Так, эту — в верхние кухни, к поварам лорда Малкавиана, — шедший слева от обоза главный надсмотрщик, лениво ткнул в девушку пальцем. — А ты, музыкант, пошел вперед.

Хью, бледный, с потерянным видом, прижимал к груди свою флейту. Его толкнули в спину древком копья, направляя к другой, более чистой повозке, запряженной обычными лошадьми. Его везли наверх, в замки Верхнего города — развлекать бессмертных господ перед тем, как они окончательно сломают ему жизнь. Музыкант даже не обернулся, чтобы окинуть взглядом оставшихся. Он шел как живой мертвец.

Тех, кто в списках Борса был отмечен как «чернорабочие и ремесленники», осталось всего лишь около десяти человек. Рэйвен огляделась по сторонам, вдруг осознав, что упустила момент, когда увидала Оуэна. Внутри все неприятно сжалось от горечи: она не успела попрощаться с лекарем, спасшим Файлана и оберегавшим ее в пути. Оставалось лишь надеяться, что его, как лекаря, не отправят умирать где-нибудь в грязи, а определят в лазареты Верхнего города.

— Шагом марш, скоты! — конвоир с факелом махнул рукой, увлекая шеренгу вниз по крутой винтовой лестнице, уходящей в самую глубь каменного основания города.

Спуск показался Рэйвен бесконечным. Стены вокруг были сложены из грубого черного гранита, по ним с высокого потолка непрерывно сочилась холодная вода, оставляя на камнях белесые разводы соли. Рэйвен с трудом переставляла ноги, внимательно всматриваясь, куда именно наступает. Из головы никак не шла мысль: одно неверное движение, и она сорвется вниз, прямо в затопленную густой темнотой расселину.

Возможно, такая смерть даже была бы милосердной. Уж точно милосерднее всего того, что ожидало ее в конце лестницы.

Чем ниже они спускались, тем сильнее она ощущала, как закладывает ее здоровое ухо от нарастающего, плотного гула. Это не было похоже на ощущения, которые она испытывала наверху. Это был гул колоссальных механизмов, поддерживающих Этерем под землей. Тяжелые, мерные удары огромных поршней, свист пара и рев подземных водопадов — все сливалось в одну нескончаемую какофонию.

Когда лестница наконец закончилась, Рэйвен оказалась в гигантском коллекторе. Потолок уходил в высоту трех этажей, и там, в темноте, можно было различить очертания толстых, сочащихся конденсатом железных труб. Зал надвое разделял широкий, бурлящий поток мутной, зеленоватой жижи. Вонь вокруг стояла такая, что у девушки мгновенно перехватило дыхание, а к горлу подступила горькая желчь. Она больше суток ничего не ела, и сейчас желудок напомнил об этом, болезненно сжавшись в комок.

Оглядевшись, она заметила, что вдоль стен, на узких каменных выступах, едва освещенных редкими масляными лампами, копошились люди.

Это зрелище заставило Рэйвен похолодеть, забыв на мгновение о голоде и боли. Измученные, истощенные тени мало походили на людей. Мужчины и женщины, одетые в рваные, пропитанные грязью холщовые рубахи и штаны, работали у огромных чугунных задвижек. Их кожа из-за постоянной сырости и отсутствия света приобрела жуткий, полупрозрачный сероватый оттенок, сквозь который отчетливо угадывались очертания костей.

У многих на лицах и руках зияли незаживающие язвы — следы химических ожогов от той жижи, что текла по трубам. Они двигались медленно, почти механически, словно заведенные куклы, у которых вот-вот закончится завод. На проходящую мимо новую партию рабов никто из них даже не поднял глаз.

«То же самое вскоре случится и со мной, — подумала Рэйвен, с трудом переставляя ноги. — Я тоже стану одной из них. И это все равно будет лучше, чем то, на что обрекли Файлана...».

Файлан. Едва его имя мелькнуло в мыслях, на глаза тут же навернулись слезы. Возможно, он был уже мертв. Она подслушала у охранников, что дорога от Башни Костей до подземных шахт занимала целых два дня! Что если он не пережил тяжелой дороги? Что если он уже умер, а его тело просто сбросили в канаву, оставив гнить на солнце?

Чем больше она думала об этом, тем быстрее ее покидали оставшиеся силы. Без Файлана ей не за что бороться. Без него нет никакого смысла пытаться выжить. Нет смысла сражаться за свою свободу и продумывать план побега. Куда она побежит одна? Она здесь никому не нужна. Никто не станет помогать ей прятаться и скрываться.

В голове невольно всплыл разговор конвоиров, который она случайно подслушала по дороге. «Попробуй скройся от королевского Ищейки», сказали они. Она не имела ни малейшего представления, о ком могла идти речь. В ее родном поселении люди почти не обсуждали Десятину, но иногда гуляли разные слухи о Бессмертных дворах и некоторых их представителях. Однако ни про загадочную королеву, которую также упоминали конвоиры, ни про ее Ищейку она ничего никогда не слышала.

И все же девушка старалась запоминать каждый поворот и считала про себя ступеньки лестницы. Возможно, однажды, когда появится шанс сбежать, все это пригодится ей. Из темноты одного из боковых туннелей раздался резкий, хлесткий звук и полный отчаяния человеческий крик, мгновенно вырвавший ее из раздумий. Рэйвен вздрогнула.

У одной из труб надсмотрщик-фейри с короткими, кривыми ногами методично избивал плетью из воловьей кожи упавшего раба. Каждый удар оставлял на спине несчастного яркую алую полосу, но раб уже даже не пытался закрываться, а лишь глухо хрипел от боли, утыкаясь лицом в грязную воду на полу.

«Вот оно, — с леденящим ужасом подумала Рэйвен, не в силах оторвать взгляд от происходящего. — Вот что они сделают со мной. Вот что они сделают с Файланом».

Ее правое ухо по-прежнему плохо слышало, слуховой аппарат иногда издавал какие-то странные трескающие звуки, и Рэйвен оставалось лишь надеяться, что через день-другой это пройдет. Перспектива оглохнуть здесь на одно ухо казалась равносильной смерти. Однако левое ухо прекрасно ловило каждый звук этого подземного ада: крики, удары плети, рев стоков и безжалостный, лающий смех надсмотрщиков. Мир смертных остался где-то там, наверху,

за Границей, нереальный и далекий, как сон. Здесь была лишь грязь, работа и неотвратимая, медленная смерть.

Их шеренгу привели к массивной железной будке смотрителя, врезанной прямо в каменную толщу в конце главного коллектора. У входа, положив крупные ладони на рукоять огромного кованого молота, их уже ждал тот, кому предстояло стать их новым хозяином. Он не двигался. Стоял на ступенях конторы, и в тусклом свете масляных ламп его фигура казалась высеченной из того же черного гранита, что и стены вокруг. Это был старый низший фейри, но в его облике не было ничего похожего на изящество верхних господ — приземистый, широколобый, с тяжелой нижней челюстью и кожей цвета темно-зеленой подвальной плесени. Верхнюю губу пересекал старый кривой шрам, обнажая потемневшие зубы.

Один из конвоиров подошел к нему, на ходу вытаскивая из кожаной сумки скомканный лист, который ему всучил после распределения Борс.

— Десятина из Башни Костей, мастер Ульф, — фейри протянул листок главному. — Отобраны по приказу Борса, тут ремесленники и чернорабочие. Десять человек.

Ульф не прикоснулся к бумаге. Медленно перевел взгляд с конвоира на шеренгу измученных людей. Его глаза, лишенные белков — мутно-желтые, с вертикальными, как у кошки, зрачками — остановились на Рэйвен. Она тяжело дышала и едва стояла на ногах, затылок все еще пульсировал болью.

— Десять? — голос Ульфа прозвучал на удивление тихо, со странным скрежетом, будто терлись друг о друга две ржавые шестерни. — Вы, олени, привезли мне живые трупы. Эта девка едва держит голову. Зачем мне на фильтрах балласт, который сдохнет еще до начала серьезных работ?

— Она механик, мастер, — растерянно пробормотал конвоир, бросив на Рэйвен злобный взгляд, в его голосе впервые промелькнула угодническая нотка. — Разбирается в металле и гидравлике, чинила насосы на мельницах... Борс посчитал ее полезной для обслуживания поршневых узлов...

— Борс посчитал! — передразнил его Ульф и сделал два шага вниз по ступенькам.

Тяжелый кованый молот лениво волочился за ним, выбивая искры из мокрой брусчатки. Фейри остановился в полушаге от Рэйвен. От него пахло каленым железом, мазутом и чем-то сладковато-гнилостным. Она старалась не делать слишком глубоких вдохов, чтобы ее не вывернуло прямо перед ним. Ульф протянул руку и грубо, двумя пальцами, охваченными ржавыми железными перстнями, взял Рэйвен за подбородок. Повернул ее голову вправо, затем влево. Рэйвен стиснула зубы, чтобы не вскрикнуть: пальцы фейри вдавились в челюсть с силой тисков. Под его ногтями была черная грязь.

Взгляд его зацепился за ее правое ухо, где под слипшимися прядями волос угадывался корпус слухового аппарата. Изнутри устройства донеслось едва слышное, сухое пощелкивание — кажется, Граница все-таки повредила внутренний механизм.

— Что это? — Ульф ткнул толстым пальцем прямо в металл.

— Слуховой... аппарат, — выдохнула Рэйвен, глядя ему прямо в переносицу. Силы покидали ее, но она не могла перестать думать о том, что ее прямо сейчас могли наполовину лишиться слуха. И молилась, чтобы этого не произошло. — Я плохо слышу на эту сторону. Но руки целы. Я знаю, как выставлять зазоры на поршнях. И умею менять сальники под давлением.

Ульф еще несколько секунд всматривался в ее лицо, затем резко отпустил подбородок. Рэйвен покачнулась, но устояла.

— Человеческий металл в ухе, — фейри едва заметно скривил изуродованные губы, вытирая пальцы о свой кожаный, покрытый пятнами фартук. Обычное человеческое железо было ему неприятно, как всякому его соплеменнику, пусть даже самому низшему.

— Смертная тупость не знает границ... Ладно. Ремонтной бригаде не нужен слух, им нужны пальцы. Прими их, Галл.

Из тени конторы выскользнул помощник смотрителя, такой же бледный смертный раб, но в чистой холщовой куртке. Он швырнул к ногам прибывших стопку тяжелых парусиновых комбинезонов, от которых разило дегтем, и несколько ржавых гаечных ключей.

— Барак номер четыре, — монотонно, стараясь не смотреть новоприбывшим в глаза, произнес Галл. — Подъем по первому гудку. Кто опоздает на распределение — лишается пайка. Пошли.

Рэйвен подхватила с пола один из самых маленьких по размеру комбинезонов и, прижав одежду к груди, поспешила за остальными. Барак встретил их удушливой, влажной духотой. Это была длинная галерея, вырубленная прямо в скале, вдоль стен которой в три яруса тянулись грубые, сделанные из фейского металла нары. Вместо матрасов на досках лежала прелая, жесткая солома. Пол был затоплен водой почти по щиколотку — мутная жижа застаивалась здесь, кажется, неделями, и в ней плавали обрывки грязных тряпок и щепки.

Здесь спали десятки людей. Они лежали кое-как, прижавшись друг к другу, чтобы согреться. В полумраке, едва разгоняемом парой коптящих масляных ламп, то и дело раздавался хриплый кашель, сдавленные стоны и тяжелое, свистящее дыхание. Рэйвен почти не помнила, как дошла до свободной койки на самом нижнем ярусе.

Она просто рухнула лицом в колючую, пахнущую плесенью солому, даже не сняв мокрую куртку. Боль во всем теле, и особенно в затылке, на мгновение вспыхнула чистым пламенем, а затем все поглотила глухая, черная пустота. Ей не снился Файлан. Ей не снился дом. Это было даже не похоже на сон, а лишь на тяжелое беспмятство изнуренного тела.

Пробуждение пришло вместе со звуком, который, казалось, раздробил ее череп надвое. Где-то глубоко в перекрытиях коллектора сработал главный гидравлический клапан. Воздух в бараке задрожал. Следом за этим под сводами галереи раздался дикий оглушительный грохот — надсмотрщики шли по проходу, яростно лупя железными дубинками по каркасам кроватей.

Рэйвен резко села, выставив перед собой руки. Слуховой аппарат в правом ухе отозвался сухим скрежетом, но она мгновенно осознала, что слышит все на удивление хорошо. Облегчение на мгновение охватило ее, но тут же растаяло без следа. Затылок все еще болел, она подозревала, что рана от удара при Башне Костей какое-то время кровоточила, но сейчас, кажется, перестала и просто отзывалась тупой болью.

— Вставать, падаль! Живее! Кто не встанет через минуту, пойдет на корм червям! — разносился надрывный ор надзирателей.

Рэйвен попыталась подняться, но все ее тело словно налилось свинцом. Ушибы и синяки, о которых она на время позабыла, отозвались такой резкой болью, что у нее перехватило дыхание. Она соскользнула с лежанки прямо в ледяную воду, покрывавшую пол барака, и едва не упала.

— Не дергайся ты так, а то порвешь сухожилия, и тебя точно спишут со счетов, — раздался рядом тихий, спокойный женский голос.

Рэйвен тяжело слотнула, пытаясь сфокусировать взгляд. На соседней койке, чуть левее, сидела женщина. На вид ей можно было дать и тридцать, и пятьдесят лет — подвальная копоть въелась в поры ее лица так глубоко, что кожа казалась серой. На лбу и щеках белели старые шрамы неизвестного происхождения. Волосы, когда-то светлые, были туго стянуты на затылке обрывком грязной ленты.

Женщина смотрела на Рэйвен. Она сидела, согнувшись, и неторопливо, виток за витком, обматывала ступни длинными полосами сухой серой холстины. Ее пальцы были короткими, с узловатыми суставами и сорванными, почерневшими ногтями.

— Я Марта, — сухо представилась женщина, затягивая узел на лодыжке. — Ты новенькая, да? Из свежего призыва?

— Меня зовут Рэйвен, — замешкавшись, кивнула девушка, пытаюсь унять дрожь в коленях. Вода внизу была такой холодной, что у нее онемели пальцы, и она тут же подняла ноги обратно, потянувшись за обувью. — Я механик.

Марта снова подняла на нее взгляд. Ее глаза были странного, почти выцветшего серого цвета. Она бегло осмотрела девушку и слабо кивнула.

— Механики — это хорошо. Мастеров тут берегут чуть больше, чем обычное мясо. — Марта затянула узел на второй ноге и со шлепком опустила ноги в воду. — Но если не выучишь здешние правила в первый же день, твои навыки тебе не помогут. Слушай меня внимательно, Рэйвен, потому что дважды я объяснять не буду.

Она кивнула в сторону бурлящего за решеткой коллектора.

— Правило первое: никогда, слышишь, никогда не суй руки в открытые стоки, если не видишь дна. Там водятся слепые выдры и трупные пиявки фейри. Стоит им присосаться или цапнуть, кровь заразится за пару часов. Здесь, конечно, есть лекари, но даже они тебя могут не спасти. Некоторым приходилось отрубать руку по самый локоть, чтобы не померли от гангрены, а без рук ты здесь никому не сдалась.

Марта говорила спокойно, будто рассказывала о погоде.

— Ты меня услышала? Безрукий механик для Ульфа — это брак. Вчера он тебя оставил, потому что Борс тебя в списки включил. Но он всех запоминает, память у него отличная. Будешь отставать от бригады, он быстро переведет тебя из ремонтников в чистильщиков фильтров. А оттуда почти не возвращаются.

— Услышала, — пробормотала Рэйвен, надевая ботинки.

Марта тем временем поднялась, поправляя грубую парусиновую куртку, перехваченную на поясе обрывком каната. Она сделала шаг к Рэйвен и понизила голос:

— Правило второе: лучше спрячь эту штуковину, что у тебя на ухе висит, и старайся не привлекать к себе внимания надсмотрщиков. Фейри, конечно, побрезгуют человеческим железом, срывать не станут. Но другие рабы — не фейри. Здесь, на нижних уровнях, чистый металл на вес золота. Высшие лорды запрещают железо, а для нас это единственный способ выжить, если начнется бунт. Или обменять на еду. Узнают в бараке, что у тебя кусок хорошей стали на ухе висит, горло перережут ночью ради этой штуковины. Прячь его! Заматывай тряпками, закрывай волосами. Усекла?

Рэйвен медленно кивнула. Внутренности сжались от страха. Аппарат, который за многие годы стал ее неотъемлемой частью, здесь превратился в смертную мишень. Теперь она вряд ли сможет спокойно здесь засыпать.

— Личико у тебя симпатичное, — вдруг сказала Марта, глядя на нее с какой-то странной печалью в глазах. — Лучше бы ему перестать быть симпатичным.

Рэйвен непонимающе свела брови. Женщина воровато огляделась по сторонам.

— Здесь мало женщин. Если кто-то из надсмотрщиков посчитает, что ты красива, тут же сделают тебя своей игрушкой. В прошлом году к нам привели молоденькую девушку, Энжелу, очень красивую, юную... — Марта опустила глаза, глядя на свои грязные пальцы. — Они за несколько месяцев заездили ее так, что она сама бросилась с лестницы вниз, прямо в бурлящую воду. Даже тела не нашли...

Рэйвен застыла, глядя на нее во все глаза. Мозг отказывался понимать услышанное, отказывался принимать это. Мало того, что здесь ей угрожал голод, бесконечный рабский труд и болезни. Теперь ей предстояло бояться еще и быть изнасилованной.

— И последнее, — Марта повернулась к выходу из барака, где уже выстраивалась угрюмая, молчаливая шеренга заключенных. — Забудь про то, кем ты была в своей деревне. Забудь про жалость. Если увидишь, что кто-то оступись и летит в главный распределительный шлюз — не вздумай подавать руку. Поток тяжелый, утянет двоих. Надсмотрщики даже бровью не поведут, просто запишут две убыли. Каждыйдохнет сам по себе. Пошли, опаздывать нельзя.

Марта шагнула в темный коридор. Рэйвен осталась стоять у нар, прислушиваясь к гулу голосов и плеску холодной воды. Мысли о Файлане, о его возможной смерти, о безжалостном Ищейке королевы — все это отошло на второй план перед простой, примитивной необходимостью сделать следующий шаг.

Она поправила грязные волосы, тщательно скрывая аппарат, и пошла вслед за Мартой — в темноту подземелья.

Ремонтный док встретил ее громким скрежетом металла, от которого сводило зубы. Это был огромный туннель, где три колоссальных чугунных поршня, каждый размером с деревенский амбар, мерно ходили взад-вперед, вбивая мутную воду в напорные трубы. Воздух вокруг был серым от пара, так что дышать приходилось через силу, легкие мгновенно заполнялись тяжелым привкусом гари.

— Четвертая бригада! К распределителю! — рявкнул вдруг надсмотрщик прямо у нее за спиной. Рэйвен резко обернулась и увидела низшего фейри с неестественно длинными, как у паука, руками. — Третий поршень вхолостую ходит, давление в верхних садах падает. Если через час клапан не встанет на место, я лично скормлю ваши пальцы слепым выдрам. Живее!

Марта молча толкнула Рэйвен в плечо, направляя девушку к массивному латунному узлу у основания третьей махины. Вода здесь доходила почти до колен, и поток был быстрее. Рэйвен с трудом передвигалась, упираясь ногами в скользкие камни, чтобы ее не смыло.

Марта встала недалеко от нее. Выглядела женщина растерянной.

— Смотри на зазоры, — крикнула она, пытаясь перебить гул. — Шток, кажется, заклинило. Нужно ослабить прижимную гайку и выровнять ось. Вроде бы ничего сложного, но металл там горячий...

Рэйвен поджала губы и шагнула к механизму. Страх на мгновение отступил, вытесненный чистым азартом ремесленника. Она прекрасно понимала, о чем говорила Марта и точно знала, что нужно сделать. Откровенно говоря, работы здесь особо не было, она чинила и похуже.

Девушка наклонилась, чтобы осмотреть деформированный узел. Шток не просто заклинило, его перекосило из-за того, что стопорное кольцо забилось волокнистой грязью и проржавело.

— Сюда что, годами никто не заглядывал? — пробормотала она, чувствуя, как злость закипает внутри. — Что за идиоты? Они просто заливали это смазкой поверх ржавчины... Конечно, оно будет клинить.

Она накинула тяжелый ржавый ключ на гайку. Руки, привыкшие к тяжелому молоту в отцовской мастерской, помнили нужное усилие. Рэйвен уперлась плечом в холодный чугун, стиснула зубы, игнорируя боль во всем теле, и рванула ключ на себя. Рычаг поддался со страшным, визгливым скрежетом.

Ее пальцы привычно полезли вглубь узла. Действуя быстро, почти механически, Рэйвен вытащила забитый грязью стопор и сдернула налипшую ржавую крошку. Слуховой аппарат чутко уловил чистый, правильный щелчок встающей на место пружины. Шток со свистом ушел внутрь, и огромный поршень тут же заработал ровно, без прежнего надрывного воя.

На всю работу у нее ушло едва ли десять минут — втрое быстрее, чем планировал надсмотрщик. Марта рядом лишь удивленно приоткрыла рот, переводя взгляд с выровненного механизма на Рэйвен.

— А ты хороша, — пробормотала она, почесывая затылок.

Рэйвен лишь дернула плечом. Она ощущала любопытные взгляды работающих вокруг людей, и это ей не нравилось. Высокий парень, которого она заметила, когда выходила из барака, наблюдал за ней исподлобья, сгорбленный старик в самом углу тоже то и дело бросал на нее взгляды.

За спиной вдруг раздались шаркающие шаги, и обернувшись, Рэйвен увидела жирного низшего фейри, главного на этом участке.

— Кто это сделал? — поинтересовался он, кивнув на поршень.

— Я, — ответила Рэйвен, выпрямившись.

— Слишком быстро. Решила показать тут всем, какая ты умная? — смерив ее долгим взглядом, оскалился фейри.

Вместо того, чтобы промолчать и отойти в тень, как советовала ей Марта, Рэйвен расправила плечи. Усталость, жуткий голод, пульсирующая боль в затылке и ярость оттого, что ее, мастера, держат в этой сточной канаве, прорвались вдруг наружу. Она швырнула гаечный ключ на металлическую платформу, прямо к ногам надсмотрщика. Звук получился громким и вызывающим.

— Шток встал, — тяжело дыша, бросила она ему в лицо. — А если бы ваши безрукие идиоты чистили фильтры хотя бы раз в месяц и не держали тут все в дерьме, мне вообще не пришлось бы его чинить! Нормально следите за механизмами, и подобных «чудес» происходить не будет!

В доке мгновенно стало тихо. Настолько тихо, насколько это было возможно при грохоте соседних поршней. Рабы вокруг замерли, перестали стучать ключами. Марта за секунду побледнела так, что ее лицо слилось с серым гранитом стены. Она сделала полшага назад, медленно опуская глаза в воду.

Надсмотрщик-фейри застыл. Его пальцы сжались на рукояти плети. На бледном, одутловатом лице медленно проступила хищная, уродливая усмешка. Он не стал спорить. В целом, ему было глубоко плевать на правоту ее слов.

— Нравится мне учить таких, как ты... — тихо, почти ласково произнес он.

Рэйвен только в эту секунду вдруг осознала, что именно она сделала. В ее родной деревне за дерзость могли обругать или даже дать затрещину. Отец чаще всего просто посмеивался с ее ворчания. Файлан реагировал всегда мягко и с юмором. Но здесь... Здесь правила были другие.

Хлесткий удар воловьей кожи разорвал воздух до того, как она успела отшатнуться. Плеть пришлась наискось: от правого плеча через всю спину. Парусина комбинезона мгновенно лопнула, и кожу обожгло жидким огнем. Рэйвен вскрикнула, оседая на колени, прямо в ледяную грязную воду коллектора.

— Я научу тебя, как разговаривать! — взвыл надсмотрщик, и следующий удар обрушился на ее левое плечо, впечатывая девушку лицом в скользкую брусчатку.

Боль была такой сильной, что мир вокруг даже потерял цвета. Был только свист рассеяемого воздуха и новые вспышки чистой, белоснежной агонии, раскалывающие тело. Третий удар пришелся пониже лопаток. Рэйвен выгнулась, захлебываясь мутной жижей, ладони судорожно царапали мокрый камень. Она пыталась сжаться в комок, спрятать голову, но от шока не могла пошевелиться. Каждый новый удар, казалось, был сильнее предыдущего. Плеть рвала кожу, оставляя глубокие, кровоточащие борозды.

Очередным ударом зацепило шею, но Рэйвен уже не могла кричать — из груди вырывался лишь сиплый, прерывистый хрип. Перед глазами поплыли тяжелые черные круги. Боль стала такой всепоглощающей, что уже не было ни мыслей, ни Файлана, ни ненависти.

Она ощутила, как поток воды подхватывает ее обмякшее тело, пытаясь утащить в сторону распределительного шлюза. Вода вокруг окрасилась красным. Марта не двинулась с места, чтобы помочь ей. Никто не двинулся.

— Запомни, тварь! — рычал надсмотрщик. — И вспоминай каждый раз, когда тебе захочется раскрыть свой поганный рот!

Последнее, что она почувствовала — как ее тело судорожно дернулось от особенно сильного удара по пояснице.

А потом наступила милосердная темнота.

Глава 6

Солнечный свет был таким ярким, что казался золотым медом, разлитым по молодой траве. В воздухе пахло нагретой корой, сладкой сахарной пудрой и корицей. Гул ярмарки — веселый, многоголосый, полный смеха и звона монет — доносился со стороны главной площади, но здесь, у старых ив над озером, было тихо.

Рэйвен стояла у самой воды, чувствуя себя невероятно глупо.

Впервые в жизни она поддалась на уговоры отца и решила надеть *это*. Настоящее праздничное платье, которое он подарил ей на именины, потратив на него баснословные деньги. Рэйвен тогда даже не решилась спросить, сколько именно, потому что была уверена, что расстроится. Тратиться на тряпки было не в ее характере.

Юбка из плотного темно-зеленого льна, напоминавшего цветом ее глаза, была непривычно тяжелой и мягко шуршала при каждом шаге, касаясь лодыжек. Жесткий корсет, туго стянутый на спине, заставлял держать осанку так прямо, словно она проглотила стальной шток, и дышать получалось только верхней половиной груди. Но самыми непривычными были рукава — пышные, белые, спускающиеся с открытых плеч. Кожа на ключицах казалась беззащитно голой под теплыми лучами солнца.

Она поправила упавшую на лицо светлую прядь, с трудом сделала вдох и попыталась расслабиться. Ее волосы, обычно стянутые в простой хвост, сегодня свободно падали на спину тяжелыми волнами.

Едва переступив порог дома, она ужасно пожалела, что надела это платье. Взгляды, которыми ее провожали односельчане, ей не нравились. Чужое внимание никогда не приносило ей такого удовольствия, какое, судя по всему, испытывали от него ее сверстницы. И все же... Казалось, она даже была красивой сегодня. Даже несмотря на слуховой аппарат. И это было неожиданно приятно.

— Рэйвен?

Она вздрогнула и резко обернулась.

Файлан стоял в паре шагов, держа в руках плетеный лоток с остатками ярмарочной выпечки. На нем была чистая рубаша, а каштановые волосы, вечно растрепанные, сейчас были аккуратно зачесаны назад, открывая лоб и делая его лицо непривычно взрослым. Рэйвен, не сдержавшись, злобно подумала, что девчонки, которые крутились вокруг него каждый день, небось скупили всю выпечку еще в первые минуты ярмарки.

Файлан застыл как вкопанный. Лоток в его руках едва заметно наклонился, так что одна из оставшихся сдобных улиток едва не соскользнула в траву. Глаза у него округлились, а губы приоткрылись в каком-то глупом, совершенно детском ступоре. Он перевел взгляд с ее открытых плеч на тонкую талию, подчеркнутую корсетом, затем на подол юбки и снова вверх — прямо ей в лицо. На его щеках медленно, но отчетливо проступил густой румянец.

— Ты... — Файлан сглотнул, и его кадык забавно дернулся. Прочистив горло, он наконец выдал: — Ты сама на себя не похожа... в этом... ну, в этом наряде...

Рэйвен закатила глаза. Ну конечно! Из всех возможных слов этот дурак решил сказать именно это. Что, впервые одевшись по-человечески, она перестала быть похожа на себя. Вся ее неуверенность мгновенно сменилась колючим, зато привычным раздражением.

— Ну все, я иду переодеваться, — буркнула она, резко разворачиваясь. Подол тяжелой юбки взметнулся, подняв облачко пыли. — А ты иди к своим дурехам, они наверняка тебя заждались! И вообще, мне дышать в этом корсете нечем.

— Нет, стой! — испуганно вскрикнул Файлан.

Пытаясь ее перехватить, он дернулся вперед, и многострадальный лоток окончательно наклонился. Две улитки с тихим шлепком все-таки ухнули прямо в прибрежную траву, но

Файлан даже не взглянул на них. Он перехватил лоток одной рукой, а второй придержал ее за белый пышный рукав платья — осторожно, едва касаясь пальцами, словно боялся испортить дорогую ткань.

— Рэйвен, не уходи, пожалуйста! Не надо переодеваться. Ты... ты выглядишь замечательно. Я... я совсем не то хотел сказать, клянусь!

Она остановилась, обернувшись через плечо. Файлан тяжело дышал, его щеки пылали так, словно он только что пробежал три мили в гору. Он аккуратно опустил лоток на траву рядом со сбежавшими булками, выпрямился и сделал к ней шаг. Вся его привычная легкость куда-то испарилась.

— Я просто... я уже пять лет хожу за тобой как дурак, — тихо, почти шепотом произнес он, запустив палец в свои аккуратно зачесанные волосы и мгновенно их растрепав. — А последние полгода так вообще... Пытаюсь набраться смелости. Матушка уже косится на меня, думает, я умом тронулся. А я просто не знал, как признаться.

Рэйвен удивленно моргнула, чувствуя, как сердце под жесткими косточками корсета делало кувырок.

— Набраться смелости для чего? Признаться в чем?

Файлан не ответил. Он сделал последний шаг, сокращая расстояние между ними до минимума, так что Рэйвен ощутила знакомый запах ванили и разогретой печи. Его руки — теплые, с чуть шершавыми от работы в пекарне ладонями — осторожно поднялись и легли ей на щеки. Его пальцы коснулись ее висков, бережно очерчивая контуры лица.

Рэйвен замерла, боясь сделать даже тот крошечный вдох, который еще позволял ей корсет.

— В том, что я влюблен в тебя, — глядя ей прямо в глаза, тихо произнес Файлан. — Уже очень давно. И очень сильно.

Она открыла рот от удивления, в голове мгновенно образовалась абсолютная пустота. Все мысли разом вылетели у нее из головы. Файлан? Влюблен в нее?! Он, которого обожали все девушки в деревне, влюблен в нее, колючую девчонку с железкой в ухе, из-за которой над ней все с малых лет потешались?

Заметив ее округлившиеся глаза, Файлан коротко и нервно усмехнулся, а затем прошептал:

— Только не бей меня сразу, ладно? Пожалуйста.

И прежде чем она успела хотя бы осмыслить его слова, он наклонился и прижался губами к ее губам.

Рэйвен окончательно остолбенела. Мир вокруг взорвался миллионом золотых искр. Поцелуй был сначала робким, почти невесомым — Файлан словно ждал, когда ее удивление сменится ответом, готовый в любую секунду отпрянуть, если она начнет вырываться. Но Рэйвен и не думала вырываться. Шок длился всего мгновение, а затем внутри нее словно открылся какой-то запертый до этого клапан.

Она сама не поняла, как ее руки так быстро взлетели вверх, упираясь в его грудь. Пальцы крепко вцепились в чистую холщовую ткань рубахи. Рэйвен подалась вперед, отвечая ему — неумело, порывисто, со всей той подавленной нежностью, которую она запрещала себе чувствовать к этому парню столько лет.

Когда они наконец отстранились друг от друга, чтобы глотнуть воздуха, руки Файлана сжимали ее талию. Они замерли, тяжело дыша, и уставились друг на друга. На лицах обоих блуждали совершенно дурацкие, счастливые улыбки. Файлан улыбался так широко, что на его щеках появились забавные ямочки, которые ей так нравились.

— Ну вот, — выдохнул он, светясь от счастья. — А ты говоришь — «иду переодеваться»...

Радостно зажмурившись, он сделал неосторожный шаг назад, совершенно позабыв, что они стоят на самом краю скользкого, поросшего мхом обрыва.

Правая нога Файлана поехала по мокрой траве. Его глаза панически округлились, он нелепо взмахнул руками, пытаясь удержать равновесие, и с громким плеском свалился спиной в воду.

Столб брызг взлетел чуть ли не до самых ветвей ивы, окатив Рэйвен прохладной водяной пылью. Через секунду из зеленоватой озерной глади показалась его растрепанная голова. Мокрая челка облепила лоб, а на левом ухе сиротливо повис обрывок речной водоросли. Он отплеывался, протирая глаза, и выглядел настолько нелепо, что Рэйвен не выдержала.

Из ее груди вырвался громкий, залиvistый смех. Она захохотала так, что заболели ребра, согнулась пополам, хватаясь за живот, и едва сама не потеряла равновесие на скользком склоне. Файлан снизу, из воды, посмотрел на нее сначала обиженно, а потом сам тихонько фыркнул, подаваясь ее веселью.

Рэйвен смеялась, запрокинув голову к голубому небу, чувствуя себя абсолютно, безгранично счастливой...

... пока небо вдруг не треснуло.

Голубой цвет мгновенно выцвел, превращаясь в грязную, давящую темноту. Смех застрял в горле, превратился в хрип. Чистая озерная вода вокруг Файлана внезапно потемнела, окрашиваясь густой, алой кровью, а ласковый плеск волн сменился чудовищным, оглушительным скрежетом подземных поршней.

Рэйвен резко распахнула глаза.

Вспышка дикой, нечеловеческой боли в спине заставила ее выгнуть шею. Из горла вырвался задушенный стон. Мира ярмарки больше не было. Был серый, покрытый плесенью каменный потолок, низкий и давящий. Пахло не корицей, а жженой тканью, уксусом и засохшей кровью.

Она лежала лицом вниз на узкой деревянной кушетке. Каждое движение отзывалось в спине так, словно туда вонзали раскаленные копыта.

— Тихо, тихо, не дергайся, — раздался над ней знакомый, спокойный голос. — Лежи смирно, девочка, иначе все швы разойдутся.

Рэйвен с трудом повернула голову вправо — ее поврежденное ухо слышало хорошо, но зрение фокусировалось медленно: сквозь пелену слез она разглядела бледное, осунувшееся лицо лекаря.

Рядом с кушеткой, держа в руках окровавленную иглу и нить, стоял Оуэн.

Рэйвен попыталась сглотнуть, но пересохшее горло отозвалось острой, режущей болью. Губы потрескались, она облизала их и явственно почувствовала солоноватый привкус крови. Оуэн, заметив ее тщетные попытки заговорить, отложил иглу на обшарпанный металлический лоток и бережно поднес к ее губам глиняную кружку.

— Пей. Мелкими глотками. Тебе нельзя никаких резких движений.

Рэйвен сделала маленький глоток. Вода была теплой, с горьковатым привкусом каких-то трав, но ей показалось, что ничего вкуснее она в своей жизни не пила.

— Где... я? Сколько я... — собственный голос оказался хриплым и незнакомым.

— Ты в лазарете нижнего сектора фильтрации, — тихо ответил Оуэн, присаживаясь на табурет рядом с кушеткой. Его пальцы, испачканные в какой-то темно-зеленой мази, устало потеряли переносицу. — Пролежала без сознания почти сутки. Надсмотрщик твой перестарался... Еще раз ударил бы — и перебил тебе позвоночник. Пришлось наложить четырнадцать швов.

Рэйвен зажмурилась, прижавшись щекой к кушетке. На глаза навернулись непрошенные слезы, но внутренний голос тут же язвительно выплюнул: *«Ты сама нарвалась. Сама спровоцировала его! Нужно было промолчать и вернуться к работе»*.

Обида и злость на саму себя сцепились, как два бешеных пса. Все, что произошло до сих пор, — следствие ее импульсивных и безрассудных решений. От воспоминаний о хлестких ударах и ледящей воде шлюза ее тело мелко задрожало, и спину тут же прошило новой вспышкой боли.

— А ты... — сдавленным от подступающих слез голосом спросила она. — Тебя же... везли наверх. Я видела. К лордам...

Оуэн горько, безрадостно усмехнулся.

— Везли, — кивнул он. — Но у бессмертных лордов свои представления о ценности человеческой жизни. Наверху, в замке, заболел один из главных конюхов лорда Малкавиана. Смертный раб, разумеется, но чистокровный конь, которым он занимался, стоил целое состояние. Меня привели, чтобы я вылечил человека. Я осмотрел его и честно сказал управляющему, что у парня гнилая горячка, и спасти его уже нельзя — только изолировать, пока не заразились остальные.

Услышав про гнилую горячку, Рэйвен невольно вздрогнула. Об этом заболевании не понаслышке знали в ее родной деревне. Несколько лет назад вспышка унесла жизни тридцати человек. Очевидно, при Дворе ею тоже болели.

— Управляющий-фейри не захотел слушать плохие новости. Он посчитал, что я плохой лекарь, раз отказываюсь лечить больного. У меня отобрали все мои инструменты и швырнули сюда, вниз. Сказали, что в стоках как раз не хватает того, кто будет латать чернорабочих, чтобы те не дохли раньше времени. Так что теперь я часть четвертого сектора.

Рэйвен слушала его, и внутри нее, сквозь пелену боли, прорастало глухое, тяжелое отчаяние. Значит, надежды нет. Даже те, кого поднимали наверх, могли в любое мгновение окануться здесь, в этой зловонной утробе Этерема.

— Оуэн... — Рэйвен вцепилась пальцами в край жесткой кушетки, преодолевая боль в плечах. Главный, самый страшный вопрос, который она боялась задать с момента пробуждения, едва не сорвался с ее губ.

Она хотела спросить про Файлана. Произнести вслух его имя. Спросить, жив ли он, там, в шахтах, о которых шептались в распределителе. Но взгляд лекаря, устремленный на свои испачканные, дрожащие пальцы, и давящая тишина лазарета заставили ее осечься. Оуэн не знал. Откуда ему было знать? Его самого бросили сюда как ненужную вещь.

Рэйвен сглотнула подступивший к горлу ком и промолчала. Пальцы на кушетке разжались. За любое проявление воли здесь ломали. Быстро и безжалостно.

Если она хочет выжить, если хочет хотя бы когда-нибудь доползти до этих проклятых шахт и узнать, что с ним, ей придется научиться молчать. Сжать зубы, засунуть свою гордость и злость так глубоко, чтобы ни один надсмотрщик не разглядел их в ее взгляде. Держать рот закрытым. Стать незаметной, серой, покорной — как и все остальные рабы в этих доках.

— Сейчас тебе нужно думать о себе, — будто прочитав ее мысли, сказал Оуэн и поднялся. Его голос снова стал сухим и деловым. — Ульф приходил сюда пару часов назад. Проверял, померла ты или еще протянешь. Я сказал ему, что за три дня поставлю тебя на ноги. Он ждет тебя в доках. Если ты не выйдешь на работу к следующему распределению, он просто велит сбросить тебя в сток. Ты меня поняла, Рэйвен?

Девушка не ответила. Она лишь медленно, едва заметно кивнула, утыкаясь лицом в жесткую, пахнущую уксусом подушку, и закрыла глаза.

Спина горела живым огнем, но эта физическая боль была ничем по сравнению с той ледяной пустотой, что воцарилась у нее внутри. Надеяться больше было не на что.

Три дня слились в один бесконечный, полуразмытый кошмар, сотканный из лихорадочного бреда, запаха уксуса и резких вспышек боли.

Большую часть времени Рэйвен провела в полузабытии. Стоило ей закрыть глаза, как сознание услужливо подбрасывало картинки из прошлой жизни: тепло отцовской мастерской, глухой стук молота по наковальне, запах свежего хлеба, который пек отец Файлана... Но эти видения постоянно ускользали, лица близких искажались и превращались в уродливые гри-масы.

Она просыпалась от собственного крика, который тут же застревал в пересохшем горле сухим, жалким хрипом.

— Лежи, лежи, — строго бормотал над ней Оуэн, мягко удерживая ее за плечо. — Тебе нельзя дергаться. Швы должны схватиться, иначе все мои труды псу под хвост.

Рэйвен лишь сопела, прижавшись щекой к кушетке, пока лекарь безжалостно, но аккуратно втирал в ее изрезанную плетью спину густую, резко пахнущую зеленую мазь. Кожу сначала нестерпимо жгло, словно к лопаткам прикладывали раскаленные угли, а затем стягивало ледяным онемением.

К исходу третьего дня лихорадка наконец отпустила. Девушка проснулась от резкого запаха паленой шерсти и чьего-то глухого, надрывного кашля. Голова была тяжелой, но впервые за все время ясной. Она осторожно пошевелила плечами. Спину по-прежнему тянуло, а кожа казалась чужой и жесткой от подсохшей мази, но той дикой, парализующей боли больше не было.

— Сколько... сколько времени прошло? — прохрипела она, найдя глазами Оуэна, который копошился рядом.

— Почти трое суток, — ответил он, загремев какими-то железками у себя на столе.

Преодолевая слабость, Рэйвен уперлась ладонями в край кушетки и села. На мгновение перед глазами поплыли темные круги, но она упрямо тряхнула головой, заставляя себя сфокусировать взгляд.

— Глядите-ка, ожила, — не оборачиваясь, глухо проговорил он. — А я думал, ты еще сутки пролежишь.

— Я бы с радостью, — хрипло отозвалась Рэйвен. Голос у нее все еще звучал слабо. Спустив ноги с кушетки, девушка коснулась пальцами холодного каменного пола и вздрогнула. — Ульф приходил?

Оуэн повернулся, держа в руках раскаленные щипцы. Только сейчас она заметила, что он переворачивал ими в жаровне металлический инструмент. В тусклом свете углей его лицо казалось серым и безжизненным.

— Лично — нет. Не станет он за тобой бегать. Зато шестерок своих присылал. Спрашивали, сдохла ты или швы уже можно не беречь. Очень уж он не любит, когда рабочие руки без дела. На следующую смену тебе придется выйти. Больше я тебя тут не удержу, разве что гнилую горячку тебе приписывать...

Рэйвен потянулась к стоявшей на полу глиняной кружке с остатками травяного отвара, сделала глоток, поморщилась от горечи и вытерла губы тыльной стороной ладони.

— И не надо держать. Я готова.

— Готова она! — Оуэн раздраженно кинул щипцы на железный лоток, отчего тот оглушительно зазвенел. — Ты бы себя со стороны видела. Шатаешься, как тростинка на ветру. Надеюсь, тебе хотя бы хватит ума усвоить этот урок.

Рэйвен стиснула зубы, сдерживая порыв огрызнуться. Лишь посмотрела на Оуэна, недобро сверкнув глазами из-под упавшей на лицо светлой пряди.

— Я усвоила. Прекрасно усвоила.

— Надеюсь, что так, — лекарь подошел ближе и бросил ей на колени комок серой ткани — чистую рабочую робу. — Надень. И как из этой двери выйдешь, рот на замок. Не вздумай снова перечить надсмотрщикам, иначе тебя просто-напросто убьют. Не посмотрят, что у тебя руки золотые. Им здесь явно важнее, чтобы рабы подчинялись и помалкивали.

Рэйвен сжала пальцами грубую ткань. Внутри нее ворочалась тяжелая, ледяная злость. Все эти дни она либо валялась в отключке, либо оплакивала расставание с отцом и Файланом. Но слез больше не осталось. Она выплакала все в жесткую подушку на койке.

Первые несколько недель в подземных коллекторах Этерема стали для Рэйвен самой изощренной пыткой, которую только можно было себе представить. Она не была наивной и прекрасно осознавала — даже несмотря на ее раны, никто ей спуска не даст.

Каждая смена начиналась с того, что Марта молча обрабатывала рубцы у нее на спине, густо покрывая каждый пахучей мазью, которую девушке дал Оуэн. Рэйвен не задавала вопросов, не спрашивала, почему женщина вдруг решила помочь ей, но догадывалась об истинной причине. Должно быть, Марта чувствовала угрызения совести за то, что не предупредила ее вовремя и не решилась помочь после первого удара. Впрочем, Рэйвен ни на кого не держала зла. Помочь другому означало подставиться самому, а этого никто не хотел.

Быт нижнего сектора фильтрации протекал медленно, вяло и однообразно. Здесь не существовало понятий «день» или «ночь» — время измерялось лишь громкими ударами парового молота где-то на центральной магистрали и сменами караула.

— Сиди смирно! — проворчала Марта, грубоватыми, но ловкими движениями втирая мазь в верхний рубец у лопатки. Рэйвен шумно выдохнула сквозь зубы, когда кожу обожгло привычным холодом. — Повезло тебе, что этого лекаря именно сейчас привезли. Говорят, он там чуть ли не мертвых с того света возвращает.

— Я бы не хотела, чтобы меня возвращали, — пробормотала Рэйвен, глядя в серую стену блока. Она уже научилась говорить полупшепотом, едва шевеля губами, так, чтобы звук не разлетался по коридору. — Так ему и передай.

Марта лишь молча покачала головой. Здесь редко говорили о смерти. Она стала чем-то столь обыденным и привычным, что тела, которые через день выносили из коллекторов, уже ни у кого не вызывали ни трепета, ни жалости. Глядя вслед охранникам, Рэйвен часто думала о том, что, возможно, где-то там точно так же вынесли тело Файлана. Она не хотела об этом думать — это было слишком больно. И все равно не могла перестать.

— Что именно мы тут очищаем? — мотнув головой и отгоняя эти мысли, спросила вдруг девушка. — Вода ведь сверху идет?

Женщина хмыкнула, накрыла спину Рэйвен чистым лоскутом робы и присела рядом на край соломенного настила. От Марты пахло солью, мокрым железом и дешевым табаком, который некоторые рабы умудрялись выменивать у стражи. Рэйвен не хотелось думать, как именно женщина расплачивалась за это.

— Сверху, откуда ж еще, — женщина достала из кармана глиняный осколок и принялась задумчиво ковырять им под ногтями. — Из Верхнего города. Эти лорды-фейри... они ведь любят, чтобы все вокруг них блестело и пахло розами! Говорят, там у них фонтаны, огромные купальни, сады с каскадными прудами. Вода течет тоннами. Но когда они смывают свои нечистоты, краску из мастерских и мыльную пену, все это дерьмо по трубам течет прямо сюда. К нам.

Марта указала осколком на массивную железную трубу, которая змеилась под самым потолком галереи и непрерывно вибрировала. Этот шум настолько въелся в их ежедневный быт, что Рэйвен в какой-то момент перестала замечать его вовсе.

— Если эту жижу просто сбросить в ущелье за стенами города, отравится вся долина внизу. А они оттуда жратву везут. Да и фейри жадные, им нужно, чтобы часть воды возвращалась обратно на нижние мануфактуры, крутить турбины и охлаждать паровые котлы. Вот для этого и нужны наши коллекторы. Мы тут живые фильтры.

Об этом Рэйвен уже слышала. Кто-то говорил, что их смена отскребала донные решетки от жира и тяжелого осадка, чтобы поршни не заклинило. А другие рабы, на нижнем уровне, непрерывно засыпали в цистерны известь и уголь ведрами.

— Значит, вся система закольцована? — спросила она, слегка нахмурившись. В ее голове уже примерно вырисовывалась единая схема. — Вода идет сверху вниз, очищается, а потом насосы снова гонят ее к мануфактурам и в отстойники.

— Именно так, — Марта бросила на нее подозрительный взгляд. — Главный насосный узел на северо-востоке, за дверью из фейрийского металла. Туда пускают только инженеров-фейри и стражу. Насосы бьют так, что стены трясутся. Если там какой-нибудь клапан сорвет... нас тут как крыс в банке затопит за несколько часов.

«Северо-восток. Дверь из металла фейри», — мысленно повторила Рэйвен, намертво впечатывая эти слова в память.

— А аварийного сброса разве нет? — как можно равнодушнее спросила она, поправляя рукав рабы. — Ну, на случай, если насосы встанут. Куда вода уходит?

Марта прищурилась, видимо, раскусив, куда она клонит. Рэйвен даже не моргнула и продолжила спокойно смотреть ей в глаза. Вдохнув, Марта покачала головой.

— Есть один ход. Внешний сбросовой шлюз, за третьим коллектором. Огромная такая заслонка, ее раз в месяц приоткрывают, чтобы слить самый ядовитый осадок прямо в пропасть, на скалы. Но ты об этом и думать забудь! Там решетка толщиной с мою руку, а за ней — обрыв глубиной в сто пятьдесят локтей. Оттуда выхода нет. Иди лучше обувайся, скоро гудок будет.

Марта поднялась и пошаркала к выходу из ниши, оставляя Рэйвен наедине с ее мыслями. Девушка воровато огляделась по сторонам. В полумраке барака тяжело было что-либо разглядеть, но большинство рабов еще спали. Она надеялась, что никто не слышал их разговора. Не ровен час, еще доложат Ульфю, что она интересуется аварийными шлюзами. А ведь могут, лишь бы выслужиться перед ним.

Медленно натягивая тяжелые ботинки, девушка никак не могла успокоить колотящееся сердце. Сто пятьдесят локтей обрыва и решетка толщиной с руку. Для обычного человека такой путь был верной смертью. Но для механика, который полжизни провел с рычагами, зубилами и гидравлическими прессами, любая решетка была лишь временным препятствием, у которого были свои слабые места.

Она встала, затянула волосы в тугий узел и поплелась к выходу из галереи. Теперь, очищая донные фильтры, она будет смотреть на эти решетки совсем другими глазами.